

Анастасия Гуторова

Рецензент
нас

Анастасия Гуторова

Рецепт нас

<https://litres.ru/74207299>

Аннотация

Знаете, что получится, если смешать одного зануду-миллионера, немного горячего перчика Чили (это я) и щепотку холодной мести? Взрывной коктейль под названием «Рецепт нас». Всё пошло наперекосяк из-за дурацкого пари: мне — вернуть доброе имя его компании, ему — выполнить 31 мой каприз. С одним условием: откажется хотя бы от одного — женится на мне. В розовом цилиндре. Со стразами. Держу пари, он не выдержит и трёх. Венчики вверх!

Содержание

Пролог	4
Глава 1: «Миндальные зубки»	6
«Манговый принц»	13
«Разбитое сердце»	21
Глава 2: «Любовь меня вскружила»	30
«Швейные бестии»	45
«Секс с видом на Трафальгарскую»	50
«Чужая боль»	54
Глава 3: «Белый слон с розовыми блёстками»	58
«Золотой ураган»	65
Глава 4: «Фокачча «по-сетовски»»	78
«Горячий кофе с привкусом катастрофы»	91
«Тартар из мраморной говядины под трюфельным соусом»	99
Глава 5: «Овсянка «по-сетовски»»	117
Глава 6: «Омар «по-скайски»»	131
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Пролог

Меня зовут Айви Патель, и... я до сих пор не верю, что сейчас в моей кровати мирно посапывает Сет Эванс. Вам, наверное, интересно, как мы оказались вместе? В голове сразу всплывают слова из популярного видео: «Как я докатился до жизни такой...».

Но мы не докатились. Мы пронеслись на всех скоростях — через виражи наших ссор, когда в стену летела посуда... И через примирения, когда он рвал с меня одежду быстрее, чем я успевала прошипеть «ненавижу».

Наши отношения — как гоночный трек. Я всегда жму на газ до упора, пока двигатель не взревёт, а он методично просчитывает каждый поворот. Сет называет меня «Шумахер в кружевном», когда я врываюсь в его идеально спланированный день. Я же зову его «Черепашой в Brioni» — если он делает что-то неожиданное, а это выглядит чертовски элегантно.

Он — моя солёная карамель. Когда обжигает — кричу, когда остывает — требую добавки. Вчерашний вечер — тому доказательство. Швырнув мою туфлю в угол с привычным: «Ты невыносима!», он уже через десять минут продемонстрировал свои методы воспитания... Ну, вы поняли.

Итак, венчики вверх — мы начинаем!

Глава 1: «Миндальные зубки»

Десерт: «Миндальные зубки»

*
 Любая приличная кулинарная книга начинается с закусок. А кто сказал, что я приличная? Правила созданы, чтобы их нарушать. Особенно чужие.*

Ингредиенты: щепотка детской ненависти (ровно столько, сколько помещалось в моих зубах), одна лопатка французского шарма (спасибо, мама), горсть его «правильных» реплик («Никакого воспитания!»).

Эту фразу семилетний Сет бросил в наш первый «семейный ужин» — если, конечно, можно так назвать тот хаос, где я, двухлетняя обезьянка в кружевном платье, впиалась зубами в его брата.

Наши родители познакомились на вечеринках в Челси, но вскоре их тусовки превратились в домашние посиделки: я с Алфи ползала под столом, а Сет сидел на стуле, как маленький лорд, с салфеткой на коленях.

Саму сцену я не помню, но отец, Бернارد Патель, обожал рассказывать её на коктейльных вечеринках.

— Моя принцесса кусает его за палец. Тишина. Все смотрят друг на друга. И тут громкий крик: «Уберите этот ужас!»

— папа мастерски передразнивал Сета, и гости дружно смеялись.

Так началась наша «неприязнь».

Я ещё не умела толком говорить, но уже прекрасно изучила науку раздражения Сета Эванса: впивалась молочными зубками в его руку; просилась только к нему на ручки; пускала слюни на его идеальные туфли. Все взрослые умилялись: «*Ой, смотрите, она его обожает!*» А его густые ресницы дёргались, будто крошечные метрономы, отсчитывающие мой уровень невыносимости. Только Сет не считал меня милой.

«*Мелкая проблема*» — лучший комплимент, какой только могла получить маленькая разрушительница в подгузниках.

Возможно, поэтому, когда я пыталась звать его, у меня получалось что-то среднее между «ми-и-и-ля-я» и «ми-ня-ль». Его отец тогда перевёл мой лепет в слово «миндаль». Гениально! Сет и правда был как тот орех в шоколаде: снаружи безупречный мальчик в пиджаке *Brooks Brothers* (да, в семь лет), а внутри — твёрдый, с горчинкой.

Вскоре у нас появились официальные титулы:

— У тебя не дочь, а пиранья, — заявлял Дилан Эванс, вытирая с лица брызги шампанского после моих очередных «зубных» выходов.

— Зато ваш сын — ходячий учебник этикета, — парировал мой отец.

Прошло двадцать пять лет. «Учебник этикета» до сих пор

пытается меня перевоспитывать. Но теперь, когда его «пирания» пускает в ход зубки, в его глазах читается уже не раздражение, а жгучее желание «кусай меня дальше»...

В четыре года мы внезапно переехали жить в Биарриц. Официально — бабушке «стало плохо». Неофициально — мама (Одетт Патель, парижанка до кончиков ресниц) заявила, что её коже срочно необходим «морской воздух».

Отец даже не спорил — он уже давно понял, что перечить маме бесполезно, когда в её глазах загорается тот самый «парижский огонёк», но свою мебельную империю в Лондоне никому не доверял. В тридцатиградусную жару он валялся на пляже в пиджаке, потягивал лимонад и ворошил кипы контрактов, выискивая каждую неточность.

Я унаследовала от отца ямочки на щеках и его фирменную хватку — только если он сжимал деловые контракты, то я вцеплялась в жизнь так, будто это последняя бриошь в буфете. (Сет до сих пор пытается вырвать у меня штурвал, однако он так и не понял, с каким перчиком связался).

Французский шарм (или как разозлить англичанина)

Биарриц пах жареными каштанами и беззаботным детством. До шести лет я бегала босиком по песку, пока меня не отправили в школу Виктора Дюрюи. Эта тюрьма для юных леди учила меня есть улиток вилкой (абсурд) и сидеть с прямой спиной (явное нарушение прав человека).

Лето начиналось с приезда Эвансов. Алфи сразу бросался

в песочные войны, а Сет был особым случаем. В тринадцать он расхаживал по пляжу в рубашке (точная копия папиного дресс-кода) с книгой о биржах под мышкой и выражением лица, будто его вот-вот стошнит от нашего веселья.

— Построй песочный замок! — командовала я.

Если отказывался — хватала свою розовую лопатку и орала так, что отдыхающие оборачивались. Его лицо было как учебник по мимике: сначала брови поднимались к волосам («Она не шутит?»), потом ноздри расширялись, как у разъярённого жеребца («Я не лопатка!»), и, наконец, наступала капитуляция с вздохом и медленным опусканием на колени. И вот он уже роет песок с важностью архитектора, строящего секретный объект для особо капризного клиента.

— Маленькая разрушительница, — ворчал он, когда Алфи (предатель) швырял в него медузой и визжал: «*Это Айви!*». Однако всегда достраивал последнюю башенку, даже если уже собирался уходить.

Он делал вид, что мы ему безразличны, но, когда я, обманная кремом до ушей, подбегала к нему, он доставал платок и вытирал мне лицо. А если сильно злилась за его серьёзность, я специально пачкала ему рубашку. Я мечтала увидеть, как этот маленький джентльмен наконец сбросит проклятый галстук и полезет в воду вместе с нами.

Но нет. Даже бутерброды Сет ел медленно, разбирая на компоненты, тогда как мы с Алфи устраивали пищевой марафон «Кто быстрее засунет его в рот».

В тот последний вечер мы втроём сидели на пляже, обжигая пальцы о только что пожаренные креветки. Сет нервно крутил пуговицу на манжете — это была его привычка, когда он изображал нашу «няню».

— Мой принц будет пахнуть морем и дымом от костра, — заявила я, разглядывая его. — И носить выглаженные рубашки только для того, чтобы я могла их мять.

Сет фыркнул, отряхивая несуществующую пылинку с рукава:

— Твой принц даже близко не подойдёт. От тебя пахнет тиной и дурными манерами.

Вместо ответа я впилась зубами в его плечо. Он даже не дрогнул, но сжал моё запястье так, что по коже побежали мурашки. Я не отпускала.

— Фурия! — он резко вскочил, рассыпав остатки креветок. Песок хрустнул под его ботинками, когда он уходил, оставив за собой лишь облако золотистой пыли — наша версия хлопнувшей двери.

Мы с Алфи переглянулись, синхронно помахали ему вслед (как делали всегда) и снова уставились на горизонт. Солнце медленно тонуло в воде, растекаясь, словно апельсиновый джем по горячему тосту.

На следующий год песочные замки остались без своего архитектора — Сета отправили в Хэрроу (потому что «настоящие джентльмены должны учиться среди себе подобных», как объяснил его отец за стаканом виски моим родителям).

Видимо, мой фирменный аромат — «Тина с нотками дерзости» — не входил в учебную программу будущего магната.

Я сделала вид, что не расстроилась. С Алфи было веселее — он хотя бы смеялся, когда я засовывала улиток ему за шиворот. Мы стали идеальными партнёрами по преступлениям: воровали бриоши так виртуозно, что даже Роже — наш шеф-повар, мстивший миру за обезжиренные диеты, — начал оставлять на столе «доказательства»: две тёплые булочки с явно избыточным количеством шоколада (по его меркам «триста грамм вместо ста» — акт милосердия).

Но даже наши набеги на кухню перестали радовать, когда бабушка улетела на сахарной вате к небесам (так мне объяснили смерть). Папа тогда решил, что хватит жить на две страны.

Мама тогда устроила прощальный спектакль по всем канонам французского театра: с драматическими вздохами, монологами о «потерянном солнце» и подругами, которые за бокалами шампанского причитали: *«Бедная Одетт, как твоя кожа перенесёт эту ужасную английскую сырость?»*

Роже мгновенно переметнулся на её сторону (мама пообещала ему двойную дозу драмы и тройную — сливочного масла). Каждое утро он выводил на папиных тостах грустный смайлик, а его бриоши внезапно стали солёными. Но папа лишь пожимал плечами, разрезая тост с улыбкой — он-то знал, что любовь, как идеальный соус бешамель: без комочков. А Бернард Патель терпеть не мог комочки. Как и я.

И мама согласилась.

Советы от Айви Патель:

Хотите сладкой жизни? Начинайте со сливочного масла — оно как любовь: без него ни тесто не замесишь, ни чувств не сvariшь. Комочки — это не ошибка, а характер. Мой, например, довёл Сета до того, что он порвал моё первое авторское платье. А потом три дня подряд заказывал частный самолёт, чтобы свежие бриоши от Роже доставляли мне прямоком из Биаррица в Лондон. Но если хочется быстрых результатов — кусайтесь.

«Манговый принц»

Десерт: «Манговый принц»

Ингредиенты: мешочек упрямства (чем больше, тем лучше — никогда не переборщишь), щепотка фантазии (ну куда же без неё), один непослушный ребёнок (джентльменские манеры не предлагать), подросток (добавить по вкусу, но осторожно), розовая ваниль (для подкормки бабочек в животе), разбитая коленка (не специально).

Как только мы переехали в Лондон, родители тут же закатали званный ужин. А мне, честно говоря, было не до торжеств. Я скучала по морю, по французским одноклассникам, по дому, где по утрам в мою комнату заглядывали солнечные лучи. А тут — серое небо, бесконечный дождь и какое-то всеобщее уныние. Ну ладно, не всё так плохо: в Лондоне тоже были свои плюсы.

И этим плюсом был Алфи — он хоть как-то спасал меня от скуки, пока родители спорили, в какую частную школу меня определить. Мама настаивала на Хаммерсмите, папа — на Бекингемшире (там, кстати, учился сам Алфи). В итоге победила мама... или, точнее, моё желание заниматься искусством.

Сета я почти не видела. Он редко приезжал — закрытая

школа, бесконечная учёба. А если и выдавались каникулы, то всё свободное время он проводил в отцовском офисе, постигая науку управления бизнесом. Ну а мы с Алфи тем временем вовсю наслаждались английской жизнью. Я была частым гостем в их Хэмпстедском особняке. Дом в георгианском стиле, конечно, не шёл ни в какое сравнение с нашим таунхаусом на *Чейн-Гарденс*. Но мой отец обожал жить в Челси — за доступность, скорость, возможности. И, конечно, за время, которое он терпеть не мог тратить попусту.

Все выходные я проводила у Эвансов, играя с Алфи и его друзьями — Харли и Артуром — в супергероев. Моя роль, конечно, сводилась к «принеси-подай», но хоть какое-то развлечение. А потом начинался настоящий ад...

Пять утра. Подъём. Чистка зубов (иногда «забывалась»). Причёска от няни. Выговор от мамы за ворчание. Завтрак. Школа (иногда меня отвозил отец, иногда мамин водитель).

Первый урок — литература (скучно). Второй — экономика (очень скучно). Третий — математика (сойдёт). И четвёртый — искусство (обожаю).

Вечером — быстрый поцелуй маме в щёку и марш на дополнительные занятия (до сих пор не понимаю, зачем они были нужны).

Однажды, едва выбравшись из кабинета отца после урока французского — уставшая и мечтающая лишь о том, чтобы проснуться и обнаружить, что сегодня выходной, — я услышала от мамы «радостную» новость:

— Завтра едем на семейный ужин к Эвансам! У миссис Фет день рождения.

Школу разрешили пропустить (ура). Но вот домашние занятия — ни за что (ну, конечно).

На следующий день всё пошло наперекосяк с самого начала. Вместо нормальных косичек мама умудрилась сделать мне два дурацких хвостика с красными бантами (ненавижу хвостики). И это оказалось ещё не самое страшное.

Потом пришла она. Лепка.

Моя учительница — донья Аурора Каталина Эспехо Рио (да, именно так полностью, иначе она просто не отзывалась) — пахла так, будто её духи перебрадили вместе с её любимым камамбером (терпеть не могу этот сыр с тех самых десяти лет).

— Слепите вазу — пойдёте на ужин, — объявила она утром, сунув мне в руки ком глины. — Не справитесь — будете лепить всю неделю.

Разумеется, у меня ничего не вышло.

— Обезьяна слепила бы лучше, юная леди! — фыркнула она, разглядывая моё «творение» с видом эксперта по керамическим катастрофам.

Что ж... Я слепила обезьяну.

Точный её портрет. Со всеми морщинками, презрительно поджатыми губами и с вечным выражением лица — «вы бездарность».

Не люблю, когда мне указывают... Это так, к слову.

Папа меня поддержал (тихо посмеялся и сказал: «Гениально»). Мама же фыркала всю дорогу до особняка Эвансов.

Хорошо, что со мной был Мистер Жираф — моя первая мягкая игрушка, с которой я до сих пор не расстаюсь (Сет знает: один его косой взгляд в сторону Мистера — и он неделю на «ночной» диете).

Дверь открыла миссис Эванс. Мама тут же ринулась к ней с возгласом: «Фем!» — а я, собравшись продемонстрировать свои безупречные манеры, едва не слетела с ног от стремительного нападения «золотистого торнадо» — то есть Алфи.

Этот бешеный сорванец толкнул меня так, что я чуть не приземлилась в цветочный горшок. Я сразу же покраснела от ярости, а он спрятался за маминой юбкой (трус) и показал мне язык. Мне! Королеве хулиганства! Я уже бросилась в погоню, но мама ловко придержала меня за хвостик (вот для чего они нужны). Пришлось ограничиться ядовитыми рожицами издалека.

Жаль, что в тот день я не прихватила свою розовую лопатку — на его пшеничной шевелюре она смотрелась бы идеально.

И тут появился ОН. Я не видела Сета два года, а судя по его росту и телосложению, можно было подумать, что за это время он прокачался из хлюпенького мальчика в costume в красивого подростка.

Сет спускался по лестнице с точностью часового механизма: носок — пауза — пятка. Так ходил его отец. Так, видимо,

полагалось ходить «настоящему джентльмену» (в тот день я спросила, не устаёт ли он от этой роли. Он тогда лишь поправил галстук и сказал: «*Это не роль, а правила*»).

Увидев меня, он бросил свой «кислый взгляд» и скривил губы. Другой реакции я и не ждала.

— Добрый день, Айви, — произнёс он, протягивая руку (как будто мы на официальном приёме, а не в гостях у друзей).

Я сделала идеальный по мерке Сета реверанс — и в этот момент мой бедный Мистер Жираф совершил самоубийство с высоты моего роста.

Не успела я опомниться, как Алфи уже мчался навверх с трофеем. Ну и я тоже за ним.

— Никаких манер! — бросил мне в спину Сет.

На втором этаже Алфи, пробормотав что-то невнятное, нырнул в соседнюю комнату. Я — следом. И окаменела. Запретная территория для нас с Алфи открыта (Сет всегда запирает дверь на ключ, когда уезжал учиться).

В комнате пахло новой мебелью, сандалом и строгостью. Книги стояли по росту. Простые карандаши лежали параллельно, а кровать заправлена точно под линейку. На фоне этого «Рая» моя комната казалась настоящим хаосом, словно после апокалипсиса.

Сет влетел мгновенно — видимо, у него встроенный датчик на посторонних.

— Быстро вышли!

Я, конечно, послушалась... Шучу. Я продолжала изучать его серые обои, бежевые полки, чёрный стул... Даже страшно стало — неужели, когда мне исполнится пятнадцать, я тоже перестану любить разноцветный мир?

— У вас минута, чтобы уйти, — процедил Сет сквозь зубы.

Алфи, конечно же, в ответ плюхнулся на его идеально заправленную кровать. Сет взвыл — в прямом смысле этого слова. Это был уже шестой по счёту приказ покинуть его владения.

— Если Алфи отдаст моего Жирафа — уйду, — заявила я, небрежно вертя в пальцах его карандаш.

— Айви, не трогай! — Сет вырвал у Алфи бедного Мистера Жирафа и сунул мне в руки. — Вот твоя игрушка. Ухаживайте. Айви-и-и-и, я же просил не трогать мои вещи...

Я специально уронила книгу, чтобы нарушить этот безумный порядок и схватила Жирафа и направилась к выходу. Но... он ведь спас его от Алфи (а тот, как известно, обожает «украшать» мои игрушки своими художествами).

Решила отблагодарить спасителя.

— Присядь, — попросила я.

— Вас ждут родители.

— Пожалуйста, присядь! — замигала ресницами (у мамы этот приём работает на все сто).

— Нет! (У меня не прокатило.)

И тогда я закричала на предельной громкости.

Он вздохнул (мужчины никогда не понимают с первого раза) и неохотно присел. Я разбежалась и прыгнула. Сет не устоял, и мы грохнулись на пол. По плану должен был быть трогательный момент: Жираф чмокает его в щёку, но вышло иначе, — чмокнула его я.

Сет Эванс пах не деревом, как папа, а сочным манго. Я уже тянулась повторить, но...

— Ты... — он оттолкнул меня, краснея. — Та же фурия!

Но щёку не вытер. Поправил брюки, застегнул злополучную пуговицу у запястья и вышел.

Ну, а мы с Алфи, по традиции, помахали ему вслед, переставили все книги и отправились на ужин. Сет весь вечер сидел с кислой физиономией, а мы строили ему рожицы (непробиваемый).

После ужина мы с Алфи носились по лужайке, пока я, с растрепавшимися хвостиками, не растянулась на земле, разбив коленку. И тут наша взрослая няня — Сет — бросился ко мне. Впервые я увидела у него странный взгляд. Брови не поднялись (как обычно, когда он злится), а наоборот, сдвинулись. Он осторожно дул на ссадину, а я, всхлипывая, размазывала слёзы и грязь по лицу. И тогда он улыбнулся. Впервые. И вытер грязь с моего носа не платком, а своим пиджаком.

Возвращаясь домой, я крепко прижимала Жирафа, а улыбка не сходила с моего лица.

Советы от Айви Патель:

Лучший способ сказать «спасибо» — неожиданно прыгнуть на спасителя. Если хотите пробить на новую эмоцию, то разбейте коленку — улыбка вам обеспечена. Сейчас я тоже иногда падаю (совершенно случайно, конечно), приятно ведь, когда твои слёзы вытирает не твоя рука, а рука Сета.

«Разбитое сердце»

Десерт: «Разбитое сердце»

Ингредиенты: мешок чёрного перца (главное — не чихнуть на собственные мечты), очень много сопливой романтики (девочки поймут), красивая девушка (подавать с гарниром из детских иллюзий), щепотка наивности (она же «как я верила в сказки»).

После того званого ужина взгляд Сета не покидал мои мысли. Моя десятилетняя логика подсказывала: если он такой идеальный, значит, его просто нужно правильно «воспитать». В моём воображении я представляла, как он весело играет в догонялки и смеётся, как обычный ребёнок. Да, я была уверена, что пять лет разницы — это не преграда. Так родился мой план «Как стать лучшей подругой Сета Эванса».

Пункт первый: учимся убирать.

Точнее, создаём видимость. Всё, что валялось на полу, летело под кровать — метод, который я позже назвала «уборкой по-айвовски». Мой мистер Ворчун до сих пор ругает меня за беспорядок, но, когда я встречаю его без одежды, он уже не обращает внимание на хаос в нашей спальне.

Пункт второй: стратегия присутствия

Когда родители собирались в путешествие на лето, мы с Алфи просили не брать нас и бросали слёзные клятвы, что ни одна няня не пострадает. Родители соглашались. Отчасти потому, что иногда с нами оставался Сет.

Я тут же включила режим «его тень». Шахматы (скучно), книги (не люблю читать), «Уно» втроём (уже скучал Сет). Близости не случилось. Сет Эванс — крепость, которую не взять лобовой атакой. И тогда я перешла к плану «Б» — диверсионные операции.

В одиннадцать, на день рождения Алфи, я решила блеснуть взрослостью. На мне было платье цвета озера Муриско, волосы собраны в изящный бант, белые балетки — ну прямо юная леди. Весь вечер я терпеливо сидела рядом с Сетом, подавляя желание носиться с остальными детьми. Даже вызубрила пару экономических терминов.

— У тебя много акций?

Он повернулся, не улыбаясь:

— Пока нет.

— Значит, ты не можешь жить бесплатно в своих отелях?

— Где логика между акциями и бесплатно, — начал он, но вдруг уголки его губ дрогнули.

И понеслось! Полчаса лекции о гостиничном бизнесе (до сих пор могу наизусть рассказать всю структуру). Я кивала, улыбалась и украдкой поглядывала на Алфи, манившего меня присоединиться к веселью.

А потом случился Харли с его колой. Коричневая жид-

кость обрушилась на моё красивое платье. Сет молча подал руку, проводил в ванную и достал пятновыводитель. Без насмешек и язвительных фраз. Просто помог оттереть пятно и исчез.

В тот момент в моей голове заиграли скрипки. Ну, или что там играет у одиннадцатилетних влюблённых девочек. На следующий день он уехал в Бредфорд, а я вздыхала так громко, что мама спрашивала, не астма ли у меня началась.

Пункт третий: вербовка Алфи.

После долгих уговоров (и пары подзатыльников) мой друг согласился шпионить. Он исправно докладывал, чем занят Сет, звонил ли он (и кому) и во что был одет.

К двенадцати годам мой книжный шкаф напоминал филиал библиотеки Сета. Читала ли я «Основы корпоративного управления»? Нет. Зато знала все аннотации наизусть. Главное — правильная расстановка по алфавиту и едва заметная потрёпанность корешков для эффекта «усердного изучения».

Чем старше становился Сет, тем виртуознее он уворачивался от моих объятий, как папа от маминых: «*Сходим с девочками в кафе!*». Видимо, этому учат на тайных мужских курсах. Но если папины отговорки казались мне милыми, то равнодушие Сета разжигало во мне бунт.

Наши редкие встречи напоминали монолог Гамлета в исполнении гиперактивной белки (я) и немного камня (он).

Единственное, что могло его растрогать и проявить забо-

ту, — мой чих! Так что чёрный перец стал моим тайным оружием. Я научилась чихать по заказу — лишь бы он беспокоился обо мне. (Сейчас всё проще: достаточно положить градусник на тумбочку и слабо охнуть — мой Перфекционист тут же превращается в тревожную няню.)

Правда Сета

Я искала Алфи, чтобы обсудить новый план по завоеванию Сета, когда из-за дубовой двери кабинета донёсся гневный голос:

— Ещё раз ослушаешься — пеняй на себя!

Глухой удар. Тишина. Потом — прерывистый шёпот, в котором дрожали сдавленные слёзы:

— Больше не повторится.

Я замерла, вжавшись в стену. Родители Сета всегда казались мне идеалом — улыбчивые, благородные, безупречные. Но этот шёпот, этот звук, будто кто-то сломал птице крыло, вьелся в память навсегда.

— Подслушивать неприлично, Патель.

Я резко обернулась. Сет стоял на лестнице, пальцы судорожно сжимали перила. В его глазах я увидела то же, что когда-то поймала в своём отражении, случайно раздавив хрустальную фею из маминой коллекции — страх и беспомощность, которые нельзя показать.

От неожиданности я задела вазу. Она разбилась, и, прежде чем я успела моргнуть, Сет шагнул вперёд, прикрыв меня собой.

— Моя неосторожность, — сказал он отцу, появившемуся в дверях, и наступил на осколок.

Мистер Эванс рассмеялся. От этого смеха по спине побежали мурашки, и я машинально вцепилась в рукав Сета.

— Убери это. И научи подругу не шлаться, где не следует.

Когда отец ушёл, Сет опустился на колени и начал собирать осколки. Я потянулась помочь, но он резко отстранил мою руку. Он брал их небрежно, будто нарочно давая острым краям впиваться в кожу. Капли крови смешивались со стеклом, а мне стало так стыдно, что я сжалась в комок.

Впервые я видела, как он нервничает. Как дрожат его пальцы. Как он ненавидит себя за эту дрожь.

Тогда я поняла: холодность Сета — не природная черта. Это щит.

А потом он подошёл с двумя стаканами лимонада, украшенными свежей мятой, и молча протянул один из них мне. Я так привыкла дразнить его, выхватывая напиток и выпивая залпом, что не замечала, как он всегда был рядом, защищая меня от всего. И вдруг в сердце возникло странное желание — не завоевывать его, а спасти. Вытянуть из этого холодного мира, где даже боль стала частью повседневного ритуала. Я сделала маленький глоток. Затем ещё один. Медленно. Так, как пил он.

Рождественское признание

Мне тринадцать. Ему — восемнадцать.

Я решила признаться ему в любви.

Казалось, лучше момента не найти: рождественский ужин, треск камина, мерцание гирлянд в тёмных окнах. Всё пахло хвоей, корицей и обещанием чуда.

Я стояла под омелой, сжимая в кармане горсть блёсток, и вдруг осознала: все думали, что я придираюсь к Сету просто из вредности. Даже Алфи не понимал, почему я выбирала для своих выходов именно его, а не более сговорчивых мальчишек. Но правда была в другом. Сет никогда не смотрел на меня свысока, как взрослые. Не поддавался, как Алфи и остальные. Он злился по-настоящему — без фальшивых улыбок, без снисходительных взглядов. Иногда (я обожала эти редкие моменты) даже восхищался моей изобретательностью. Он был вызовом. Остальные мальчишки — разноцветные подушки, удобные, но скучные.

Камин потрескивал, отбрасывая на стены пляшущие тени. Сет что-то листал в телефоне, а я репетировала в голове признание, которое никак не могла выговорить.

— Ты... ну... как... — выдавила из себя.

— Всё хорошо, Айви, — отмахнулся он, даже не взглянув на меня.

В этот момент раздался звонок в дверь. Сет вышел в прихожую, а я увидела Алфи — он стоял в дверном проёме, крутил пальцем у виска и корчил мне глупую рожу.

И тут вошла она.

В чёрном платье. Уверенная. Взрослая. Невыносимо красивая.

Два года вырезок из журналов. Два года попыток красить губы незаметно, чтобы казаться хоть немного старше. А он просто... привёл её.

Она стряхнула блёстки с его плеча (мои блёстки) и бросила фальшиво-сладким голосом:

— Милый, рождественские феи отметили тебя.

— Эти феи, — процедил он, бросая на нас с Алфи равнодушный взгляд, — скоро отправятся спать. Да, Айви?

— Ой, какая прелесть! — она протянула руку к моему банту (который я ненавидела, но сегодня специально терпела). — Тебе очень идёт, малышка.

Сет напрягся. Он знал: слово «малышка» для меня было как красная тряпка. Я схватила первую попавшуюся фото-рамку и швырнула её в стену.

— Ого! — Алфи мгновенно сориентировался, хватая следующую рамку. — А вот и мой ход!

Фото пролетело в сантиметре от них.

— Вдвоём к родителям! — крикнул Сет.

— Вы совсем... — начала незнакомка, бледнея.

— Сумасшедшие? — перебил Алфи, уже с третьей рамкой в руке. — Это наш фирменный рождественский квест! Сет, держи! — он запустил семейное фото в брата, которое тот поймал одной рукой.

— Алфи, отцу не понравится твоё поведение!

— Бежим! — Алфи схватил меня за руку и на ухо шепнул.

— Пока они не поняли, что ты целилась не в неё, а в его

чёрствое сердце.

Сет уже обнял свою девушку за талию и повёл в гостиную к камину. Туда, где я собиралась признаться ему в любви.

Его поступок разбил меня сильнее, чем любая фоторамка.

Финал (он же начало новой жизни)

Я ворвалась в спальню и рухнула на кровать. Слезы катились по лицу, обжигая кожу. Алфи влетел следом, а за ним — мама с её вечными «я тебя понимаю» и историями о первых разбитых сердцах.

— У Сета девушки меняются чаще, чем мои носки, — бубнил Алфи, пытаясь разрядить обстановку.

Но мне было не до смеха. Я резко поднялась, подошла к камину в родительской спальне и швырнула в огонь дневник с планом «Как завоевать Сета». Страницы вспыхнули мгновенно, превращая мои глупые мечты в пепел.

А после вернулся привычный беспорядок: разбросанные вещи и мой личный хаос. Единственным напоминанием о Limited Edition «Сет Эванс, иди к чёрту» оставалась подушка, пропитанная слезами. Моя первая любовь оказалась недопечённым беже — хрустящей снаружи, но сырой внутри.

Папа был прав: учёба — лучшее лекарство от душевных ран. И где, как не в Биаррице, можно начать всё заново?

Советы от Айви Патель:

Сердце — не губка. Не пытайтесь его выжать и повесить сушиться — оно заживает само. А если ваш «принц» выбирает кукол из журналов — это его потеря, а не ваша. На-

стоящая любовь не требует, чтобы вы выросли. Но если уж очень хочется... расти в ту сторону, куда зовёт мечта.

Глава 2: «Любовь меня вскружила»

Десерты от Айви Патель съедены. Надеюсь, вам не жаль калорий. Переходим к напиткам.

Шампанское с тоником — мой личный наркотик. Две дольки лайма, веточка мяты, взмах ложки — и вот он, идеальный баланс между «праздником» и «катастрофой». Пьётся на одном дыхании — как те сообщения, на которые он так и не ответил.

У Сета, конечно, виски. Старомодный, односолодовый. Обожаю целовать его губы после — холодные, пропитанные дубом бочки и снисходительностью взрослого мужчины.

Итак, бокалы вверх — можно залпом.

Коктейль «Любовь меня вскружила»

Ингредиенты: солёная вода с пляжа *Кот-Де-Баск* (достаточно брызг на запястье, чтобы слизать с тоской), долька обольщения (зелёная, кислая, как моё «*Ненавижу тебя!*» в тринадцать лет), страстный поцелуй (осторожно: можно задохнуться), учебник по философии (можно швырнуть, решаю).

Встряхнуть, не взбалтывая эмоций. Украсить намёком на второй шанс (декоративный зонтик обязателен). Подавать в бокале с трещинкой — напоминание: «*Да, именно так всё и было*».

После Рождества мама проболталась папе о моих «нежных чувствах» к Сету. Мы сидели на его кровати, давили грецкие орехи (скорлупа трескалась так же резко, как моё детское сердце).

— Знаешь, почему мама выбрала меня, а не французского выскочку из юридического? — папа неожиданно положил молоток и посмотрел на меня так, будто собирался раскрыть главную тайну вселенной. — Я залез на дуб в Хайд-парке и орал на весь Лондон, что не слезу, пока она не выйдет за меня замуж.

Молоток застыл в моей руке.

— Ты и дуб? А как же страх высоты?

— Моя принцесса, когда у тебя фамилия Патель, то страх притупляется. А когда ты влюблён, то уже не можешь остановиться. Мы любим по-особенному. Запомни это.

И моим «по-особенному» стали непредсказуемо-скучные мальчишки, которые пялились на мои только-только начавшие округляться бёдра.

Однако Сет, как мне тогда казалось, смотрел на меня так, будто я была не тринадцатилетней девочкой, а кем-то гораздо важнее — взрослой. И когда я говорила что-то глупое (а говорила я много глупого), он не закатывал глаза, как папины друзья, а улыбался — только мне. И никогда другим.

Я старалась больше не думать о нём. Не ждать совместных ужинов. Не ловить его взгляд через стол. Но всё равно

болело. Я перестала быть собой. Той, что смеялась громче всех и не боялась сказать глупость. Вместо этого я плакала в подушку и проверяла телефон каждые пять минут. Глупая девочка, которая так рьяно верила, что сможет влюбить в себя подростка.

В последний вечер в Лондоне Алфи расписывал для меня «гениальный план» по завоеванию Сета (что-то про ролики, падение и крики «Спаси меня!»).

Я кивала и делала вид, что слушаю, но внутри уже знала всё. Пора возвращаться в Биарриц.

Обнимая Алфи в аэропорту, я сдерживала слёзы. С ним всегда всё было просто. Как в детской считалочке: дружить, смеяться, но не влюбляться. А Сет был как папина овсянка по утрам: скучный, пресный, пока не добавишь горсть малины (он её любит) и мёда (который всегда должен стоять на столе). И тогда — волшебство.

Сета я не видела в тот день. Он укатил в Амстердам с той самой девушкой. Может, и к лучшему — детская обида грызла меня изнутри, как та белка из «Ледникового периода» (я смотрела его с папой сто раз) — яростно, но безрезультатно. В одном папа был прав: Патели никогда не выбирают лёгких путей. Даже если этот путь — невозможный и взрослый Сет Эванс.

В Биаррице мама устроила мне «День рождения новой жизни» (просто совпало с моим четырнадцатым днём рождения). Я грустно задула свечи, без энтузиазма приняла по-

дарки и болтала по скайпу с Алфи. Никто не обижался на моё настроение — все понимали, что мне нужно было пережить первое разочарование.

А я просто скучала. По Алфи и нашим играм. По посиделкам в кафе и прогулкам по Лондону. По мишени под названием «Сет» я тоже скучала. Писала ему, но он не отвечал. А мне хотелось просто доказать ему, что я всё та же «малышка-подружка» и ничего не изменилось. Но взрослые редко отвечают надоедливym детям...

Пока Сет развлекался в компании девушек (спасибо социальным сетям), я с головой погрузилась в учёбу. Как ни странно, школа перестала казаться тюрьмой. Я втянулась, занималась с одноклассницами, ходила на вечеринки, влюбилась в песни группы Backstreet Boys и мечтала, что Кевин Ричардсон однажды заметит меня. Типичная жизнь подростка, если не считать, что по вечерам я часами болтала по скайпу с Алфи и даже завела новое хобби.

От лепки мне пришлось отказаться — вернее, преподавательница сама от меня отказалась. Я театрально рыдала в подушку (конечно, притворялась) и выбрала фортепиано.

Моя новая учительница, мадам Анриэтт Морель, жгучая брюнетка с пухлыми губами и взглядом, способным расплавить даже самый холодный скотч, при первой встрече рассмотрела мои руки и заявила:

— Шершель, моя дорогая, эти пальчики созданы не для клавиш, а для того, чтобы красиво прикрывать губы, когда

тебе говорят комплименты.

Наши уроки проходили своеобразно: десять минут — гаммы, пятнадцать — «Лунная соната» (точнее, её первые четыре такта — дальше мадам махала рукой), а остальное время — курс «Как свести мужчину с ума без нот, но с эффектом».

Всё налаживалось. Если не считать одного «но». Алфи отправили в Хэрроу — ту самую школу, где когда-то учился Сет. И первое лето после переезда я провела одна.

Целыми днями я слонялась по пляжу с альбомом под мышкой, чувствуя, как солёный ветер путает мои волосы, и ощущая на языке лёгкую горечь. Не ту, что от океана, а ту, что остаётся после слов: *«Айви, для их отца это важно!»* Мы с Алфи всегда проводили лето вместе, а Дилан Эванс решил сделать из него второго Сета — идеального наследника их славной фамилии.

Мы ещё пытались сохранить связь — устраивали «ужины по скайпу» (я в мамином платье, он в пиджаке Сета), пили чай с видом лордов, обсуждали его учителей и мои успехи в игре на пианино. Но с каждым месяцем звонки становились короче и за два года превратились в короткие сообщения.

Два года без Алфи закалили меня. Я научилась играть «Лунную сонату», вздыхать так, что парни в школе оборачивались, и делала вид, что мне всё равно. (Последнее получалось хуже всего.)

Два года я искала себя. Заниматься бизнесом отца я точно

не хотела. Мама видела меня юристом (это её мечта), папа — акулой бизнеса. А я...

Идея пришла ко мне на закате. Я бродила по пляжу *Ком-де-Баск*, швыряя плоские камешки в воду, когда закат вдруг разлился по волнам, как мамино шёлковое платье. То самое, в котором она кружилась под старые французские сонеты, пока папа случайно не зацепил рукой виниловый проигрыватель.

Я быстро достала блокнот и набросала эскиз платья-волны с золотыми нитями. В тот день я просидела на песке до тех пор, пока пальцы не онемели от холода, а в блокноте не осталось свободного места.

— Я буду дизайнером! — с криком ворвалась в дом, размахивая эскизами.

Мама приподняла брови, рассматривая мои каракули.

— Ну, хотя бы не бизнес-леди, — вздохнула она, поправляя мои растрёпанные ветром волосы.

Утром в моей комнате уже стоял манекен, а на столе лежала записка от папы: «Удачи».

Весь следующий год пролетел в безумном ритме: я жила между стопками тканей, горой испорченных набросков, восторженными возгласами мамы («Гениально!») и саркастичными комментариями Роже («Из теста и булок, мадемуазель! Браво!»). Просыпалась с карандашом в руке и засыпала с отрезом шёлка на лице. Такая вот «швейная терапия» забыть о первой любви...

Чтобы не утонуть в рутине и не потерять интерес к жизни, в шестнадцать я нашла себе занятие по душе — влюбляться. (Нельзя же вечно вздыхать по взрослому мужчине, верно?)

Моим «лекарством» стал Эжен Шассе — рыжий, как лисья шкура в гостиной отца, и такой же самоуверенный. Первый в школе. Гребец, перед которым расступались не только волны, но и половина нашей школы.

Мы столкнулись на поле для лакросса — игре, где мужское достоинство измеряется силой удара. Мой мяч влетел прямо в его «королевские ворота» (между ног, если кто не понял). Эжен вскрикнул — не просто взвизгнул, а издал звук, который можно было описать только как «предсмертный вопль последнего представителя рода Шассе».

— Урсула! — прошипел он. (От «*Фурии*» Сета до «*Урсулы*» Эжена за шесть лет. Мой титульный рост очевиден!)

Я неспешно поправила волосы, демонстрируя идеальную невинность.

— Рыжая креветочка, — улыбнулась я, оценивая его спортивную форму.

Так начались наши с Эженом «отношения» — если, конечно, можно назвать отношениями ситуацию, когда парень первые три дня после знакомства ходил исключительно широкими шагами и садился с крайней осторожностью.

Наш «роман» Эжен называл спортивным марафоном, так что у нас всё шло по строгому расписанию.

Держаться разрешалось только за левую руку — правую

он «берёт для гребли». Ужинали в кафе с пометкой «ПП» в меню. На соревнованиях мне отводилось «почётное место» — с табличкой «Девушка чемпиона» (в шестнадцать это казалось круто). Никаких конфет, плюшевых мишек или дешёвых колечек — только фруктовые корзины, протеиновые коктейли и блокноты, где он записывал «наши рекорды» — поцелуи на время. Самый длительный — семь минут. (Не понимаю девушек, которые могут целоваться часами. Мой язык устаёт быстрее, чем кончается терпение.) На седьмой минуте я судорожно вздыхала, шлёпала его по плечу и выдавала своё коронное: «*Милый, я задыхаюсь!*» (Лучшая роль в моей жизни.)

Не скажу, что с Эженом всё было ужасно... Мне нравилось быть его девушкой. Но часто я ловила себя на том, что сравниваю его с Сетом. Нет, не потому, что всё ещё тосковала, — просто привыкла, что он всегда держал ситуацию под контролем. Даже когда Эжен обнимал меня, я спрашивала себя: «*А что бы сказал Сет?*»

Перед летними каникулами мама сказала:

— Сет и Алфи приедут на пару дней.

Я сделала вид, что мне всё равно, а в комнате прыгала от счастья (конечно же, только из-за Алфи). Позвала Эжена на обед — похвастаться «легендарными братьями Эвансами». Но мой спортсмен решил, что это — «пора перейти на новый уровень», и новым уровнем стал мой удар коленкой в его «гордость». (Что поделать: если уж осваиваешь технику,

нужно практиковаться регулярно.)

Извинялся он тоже в своём стиле — рванул с поля боя, даже не дождавшись моего финального слова.

— В следующий раз возьму вёсла! — крикнула я ему вдогонку и застыла как вкопанная.

Мой «рыцарь» врезался в Алфи. (Братья Эвансы всегда умели появляться в самый неловкий момент.)

Алфи замер с круглыми глазами и ухмылкой до ушей (я бы его придушила, если бы не была так рада).

Сет же смотрел на убегающего Эжена (тот бормотал что-то нецензурное на французском) со своим постоянным выражением — «мне плевать».

— Айви, ты, как всегда, в своём репертуаре, — рассмеялся Алфи, раскрывая объятия.

За два года мой лучший друг превратился в юношу — пышные пшеничные волосы, веснушки (они выглядели очаровательно, а не по-детски), курносый нос (который я дразнила сто раз) и всё та же улыбка — добрая, чуть озорная.

Я подбежала к нему и сильно обняла.

— Ты меня задушишь.

— Это месть за то, что не приезжал, — прошептала я ему в плечо.

— Добрый день, Айви.

Я сделала паузу, прежде чем обернуться, — ровно настолько, чтобы это выглядело естественно. (Хотя сердце бешено колотилось, и первым, кого я заметила, был, конечно

же, он).

Сет стоял передо мной — вытянутый, изменившийся, но всё так же узнаваемый. В дорогом костюме с холодными зелёными глазами, полными равнодушия. Казалось, что перед ним не его личная «катастрофа» из детства, а просто случайная незнакомка. Если бы не этот проклятый парфюм с нотками скуки, возможно, я бы даже дрогнула. (Только спустя годы он признается, что был в шоке. Он ожидал увидеть ту самую тринадцатилетнюю девочку, а вместо этого столкнулся с взъерошенной шестнадцатилетней фурией. Но тогда, конечно, он старательно сохранял свою холодную маску.)

Сет сделал шаг ближе — и меня накрыло знакомым ароматом манго. Таким же, как тогда, в десять лет, когда я плюхнулась на него. Горло сжалось... Ненавижу его.

Я кивнула и сделала безупречный реверанс — такой, как учила мама.

— Извините за спектакль. Учю своего парня манерам. Алфи! — я резко развернулась к другу. — Пойдём пить чай.

Взяв его под руку, я потащила его за собой, хотя внутри всё дрожало. Как говорила мадам Анриэтт: *«Даже когда не права — играй безупречно»*.

Но спина ныла от напряжения, особенно когда сзади раздались его ровные, размеренные шаги. Так хотелось обернуться и крикнуть: *«Посмотри на меня! Я выросла!»*

Но вместо этого сжимала зубы, ненавидя его всей душой, в то время как его голос звучал у меня в голове, читая оче-

редную нотацию.

Мы с Алфи махнули на обед рукой и побрели к морю. Купили креветок, уселись на наше место и молча смотрели на воду, вспоминая настоящее детство — без всех этих взрослых заморочек.

— Сет говорил, что ты ему писала, — Алфи протянул мне салфетку.

Я вытерла пальцы, скомкав салфетку.

— Ну да, писала... Я всем писала. Даже Артуру.

Тогда я впервые соврала лучшему другу. Писала я только им двоим: Алфи — потому что скучала, Сету — чтобы поддерживать видимость, что ничего не изменилось.

— Брат никому не отвечает. Вечно занят работой, — Алфи отвернулся.

Мне стало грустно — ему не хватало нас в Лондоне. Мне не хватало его в Биаррице. А всем нам — того, ещё не взрослого Сета.

Оказалось, они приехали посмотреть пустующие гостиницы для отцовского бизнеса. Алфи ненавидел эту возню с цифрами, но терпел ради матери. И только возможность увидеть меня заставила его согласиться на эту поездку.

Он с детства обожал рисовать. На его рисунках я была не просто девочкой с бантами — а огнём. «*Ты сожжешь весь мир, если захочешь*», — говорил он. А сам мечтал о великой любви, довольствуясь походами в кафе со скучными девчонками.

Ужинали мы без Сета — он, конечно же, предпочёл осмотр гостиниц обычному человеческому отдыху. Мы с Алфи завалились ко мне в спальню, плюхнулись на кровать и устроили марафон болтовни, пытаясь впихнуть два года разлуки в одну ночь. Я рассказывала о своих «спортивных достижениях» с Эженом (опустив момент с коленкой) и о планах покорить мир моды, он — о своих робких романах и мечтах стать художником.

Утром Алфи ушёл рисовать, а я осталась, уткнувшись в учебник по философии. Вернее, делала вид — на самом деле я изучала куда более интересный объект.

Сет сидел напротив, без пиджака (впервые за все годы нашей дружбы) и в чёрном поло с золотым гербом. Важный. Неприступный. Листал документы с видом человека, решающего судьбы мира. Время от времени проводил рукой по волосам и отпивал кофе.

Я наблюдала за ним украдкой, как учила мадам Анриэтт: *«Изучай противника, ищи слабые места»*. Но чем дольше смотрела, тем больше понимала — Сет был как те самые сливки у Роже: чтобы взбить их в нежный крем, нужно бесконечно долго и терпеливо работать венчиком. А моё терпение всегда заканчивалось слишком быстро.

Когда он поднял глаза и поймал мой взгляд, я задрала нос, делая вид, что изучаю Аристотеля.

Он встал и подошёл ближе. Я замерла, вцепившись в книгу.

— Второй час учишь одну страницу, — произнёс он.

Очередная попытка поставить меня на место. Весь такой взрослый и всезнающий. Но признать это — значит проиграть. А я ненавидела проигрывать.

— Учю, а не читаю.

Он провёл пальцем по странице, и буквы вдруг поплыли перед глазами.

— Интересно, и что же писал Леонардо да Винчи? — Сет взял книгу и начал листать страницы.

Я резко выхватила книгу, и переплёт с неприятным хлопком захлопнулся, будто испуганная ракушка.

— А ты можешь не доставать меня! — я вскочила.

— Самая первая строчка в твоём учебнике: *«Где умирает надежда, там возникает пустота»*.

— Ой-ой, — я закатила глаза, — так и не научился выключать режим «моя няня»? — я язвительно улыбнулась. — Думала, к двадцати одному году это должно пройти.

— К шестнадцати обычно начинают думать головой. — Сет не отводил взгляда. — Твои колкости — как те камешки, что вы с Алфи подбрасывали мне в ботинки. Шуршат громко, а толку ноль. Особенно когда дело доходит до твоего выбора парней.

Его спокойствие сводило меня с ума. Я сжала учебник так, что, будь он живым, буквы бы все уже бежали сломя голову.

— Научись разбираться в людях, — бросил он.

Учебник вырвался из рук и полетел в его сторону. Сет

едва успел уклониться — книга с глухим стуком ударилась о стену, разлетевшись на несколько страниц. В воздухе повисло напряжение, и я почувствовала, как адреналин заливает меня с головой. В его глазах мелькнуло удивление, но он быстро вернул себе привычное равнодушие. Я не могла позволить ему видеть, как сильно его присутствие выводит меня из равновесия.

Я подошла ближе к нему. Его взгляд скользил по моему лицу, а я упорно разглядывала вышитый на его поло герб. Моё молчание давало ему власть, а я терпеть не могла, когда кто-то держит верх.

— Упс-с... — вырвалось у меня. — Мне срочно нужен тренер по метанию книг в «скалы». Позову кого-то из своих... «неудачных выборов»!

Я выбежала, хлопнув дверью так сильно, что, наверное, проснулся даже старый кот Роже. Но не успела я сделать и десяти шагов, как осознала: я вела себя точно так же, как в тринадцать лет. А он по-прежнему видел во мне ту самую вредную девочку с блёстками. Разница лишь в том, что теперь от этой мысли у меня не просто щипало глаза — внутри всё болезненно сжималось. И самое противное — что его голос в моей голове всё равно продолжал твердить о манерах.

На следующий день они улетели, и я решила, что больше не буду думать о Сете. Я сократила общение с Алфи, потому что в каждом его сообщении неизменно звучали фразы: «Сет сказал...», «Сет сделал...». Это стало для меня настоя-

щим испытанием, и я понимала, что нужно взять себя в руки и оставить все воспоминания о нём позади.

Вечером я выбросила блокнот с рекордами Эжена. Больше не хотела дурацких «спортивных отношений». Если любовь — игра, то я выбрала теннис. Там хотя бы правила понятны, и я научилась попадать в цель.

Тост от Айви:

Первая любовь лечит вторую, как текила лечит похмелье — создавая новую проблему, но хотя бы временно отвлекая. И если твой французский кавалер называет тебя именем диснеевской злодейки — беги быстрее. А если не можешь — бей. Коленкой. В самое... ну, ты поняла.

«Швейные бестии»

Коктейль: «Швейные бестии»

Ингредиенты: письмо с гербом (хранить как зеницу ока), четыре сорта безумия (фиолетовое, тихое, взрывное и ваше личное), дорогой плащ (готовый к акриловому апгрейду), один случайный показ (который окажется неслучайным).

Не взбалтывать. Дать настояться до состояния: *«Я смогла»*.

После того фиаско с учебником философии я сосредоточила все свои силы на поступлении. Папины деньги лишь приоткрыли дверь, но удержаться в этом аду мне пришлось в одиночку. Когда пришло письмо с гербовой печатью Лондонского колледжа моды (*«Дорогая Айви, мы рады...»*), я уже стояла у такси, крепко сжимая чемодан, из которого торчали ножницы и мой антистресс — полупустой пакет мармеладок «для вдохновения». (Вру, он был новый, но мне нравилось представлять себя такой измученной.)

Колледж встретил меня запахом крахмала и дешёвого кофе из автомата. В мастерских царил хаос: где-то дымился утюг, кто-то рыдал над испорченным шифоном, а в углу покоился «Лохнессо» — наш потрёпанный манекен, больше похожий на абстрактную скульптуру. Ходила легенда: слома-

ешь три иглы на одном платье — обретёшь удачу. Я же просто собирала коллекцию ожогов на пальцах и таскала этих чудовищ по лестницам.

Именно здесь я нашла своих *«швейных бестий»*.

Эмили Картер — бывший математический гений, сбежавшая из Оксфорда, потому что шитьё успокаивало её «перегретый мозг» (по её словам). Наша дружба началась с драки за последний кусок бордовой кожи. В итоге сшили платье-трансформер, которое при желании превращалось в комбинезон (идеально для побега от бывшего, проверено). Её фишка — предлагать незнакомцам раздеться «ради искусства», причём с таким лицом, что они соглашались.

Хлоя Морган — «тихоня» с розовыми волосами, что было её маленьким бунтом против консервативных взглядов отца. Мы встретились в тот момент, когда она, охваченная творческим порывом, разрисовала мой плащ за пять штук баксов. Как она потом объясняла преподавателям, её вдохновение пришло после лекции о зигзагообразных швах.

Белл Рид — ходячий перфоманс. Наша дружба началась довольно необычно. В туалете колледжа она устроила «секс-квест»: затолкнула первого растерянного парня ко мне в кабинку, а второго — в соседнюю. Позже она подарила мне рисунок: на нем я, кабинка и два полуголых красавца, прикрывающих мне рот, с надписью «Девочка с персиками». Это было неожиданно, но в то же время идеально отражало её непредсказуемую натуру.

Мы жили в ритме «ночь-игла-кофе»: кроили, шили, засыпали на обрезках ткани. Цеплялись за любую подработку, даже если это означало целый день подавать булавки капризным ассистентам.

И вот в марте я увидела Сета. Два года я вычёркивала Лондон из маршрутов, закапываясь в Биаррице, лишь бы не наткнуться на его тень. Но судьба, как заскучавшая портниха, решила скроить нас зигзагообразным швом — криво, с напуском, да ещё и без припусков на ошибку.

На Неделе моды мы с девчонками работали «подиумными рабами»: ловили падающие шарфы, успокаивали плачущих моделей и прятались от бунтующих дизайнеров. Я допивала шампанское, когда заметила Сета. Всё такой же выглаженный, с той же привычкой поправлять непослушную прядь волос. Рядом — девушка с лицом «детка, завидуй молча».

— За кем так шпионишь? — Эмили вынырнула из-за моего плеча.

— Так... Старый знакомый.

— Подбери нитку, а то шов расплзается, — она сделала паузу. — А это случаем не тот самый Философский Камень, в которого ты швырнула книгой?

Я кивнула. В голове крутилась мысль: *«Ну конечно, мы должны были встретиться именно в тот момент, когда у меня под глазами темные круги, а волосы пахнут лаком»*.

Эмили вздохнула, хлопнула меня по плечу — и ринулась в атаку. Прежде чем я успела её остановить, она уже вцепилась

в руку спутницы Сета.

— Вы не Камилла Мю? Ваш выход на показе Маккартни был обворожителен!

Модель расцвела. (Эмили коллекционировала модные сплетни, как другие — марки.)

— Не против, если я украду вашу спутницу на пять минут? — Эмили бросила взгляд на Сета, но её глаза кричали мне: «*Шевелись, тряпка!*». — Наши первокурсницы просто сохнут от разочарования, если не расспросят её про Милан...

Сет посмотрел на меня так, словно сверял с прошлой версией меня — яркой, дерзкой Айви, а не измотанной, которая месяц не видела нормального сна и напоминала скорее потрёпанный эскиз, чем готовый наряд.

— Только недолго, — произнёс он ровным голосом, словно давал указания секретарю.

Когда Эмили увела его спутницу, он спросил:

— Какими судьбами, Айви?

Голос звучал так, словно мы виделись вчера, а не два года назад.

— Я здесь по учёбе, — ответила я, слишком резко скрестив руки. — А ты? Завёл новое хобби?

— Меня пригласили.

Губы его дрогнули. Не улыбка, не злость — что-то между.

— Всё ещё злишься за Биарриц? — спросил он, и я почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— Я выросла из детских обид, — солгала я, сжимая кулаки.

— Заметно, — он окинул меня взглядом с головы до ног, и мне вдруг стало стыдно за свой внешний вид.

Он неожиданно шагнул ближе. Я вздрогнула.

— Но учебники всё ещё кидаешь?

— Перешла на ножницы. Поострее.

Уголок его рта дёрнулся, но выражение быстро стало каменным.

— Береги руки. И передай родителям спасибо за парижские подарки.

И ушёл. Как всегда. Без оглядки. А я, как дура, снова смотрела ему вслед, разглядывая идеальную линию его спины в дорогом пиджаке. Он видел во мне только ту девочку с лопаткой — и это бесило. Но больше всего бесило, что мне всё равно было важно, куда он идёт.

Тост от Айви:

Лучшие подруги, как изысканное вино: не имеет значения, сколько стоит бутылка, важно то, что с ними даже детские обиды кажутся лишь мелочами. Они всегда готовы поддержать, когда жизнь начинает трещать по швам. И если ты застряла на краю, они просто толкнут тебя вперёд, не дожидаясь разрешения.

«Секс с видом на Трафальгарскую»

Коктейль: «Секс с видом на Трафальгарскую»

 Ингредиенты: немного английского безумия (желательно в компании таких же отчаянных), шёлковая простыня (для идеального скольжения), капля персикового аромата (нет, правда, не надо).

Взболтать до состояния «Трафальгарская площадь в марте» — мурашки по коже обеспечены.

Я потягивала шампанское, наблюдая, как эта модель грациозно вьётся вокруг Сета, словно лента, обвивающая дорожную коробку. Вскоре к нему подошла его свита — высокие парни в строгих костюмах, создающие ауру безупречности. Мой «взрослый друг» обнял спутницу за талию с легкостью и безразличием, будто это было естественным продолжением вечера. *«Ну конечно, Сет Эванс. Даже в этом ты должен быть безупречным».*

— Держи. — Эмили сунула мне тюбик с кремом. — Твой философ велел передать. От ожогов. Видимо, переживает, что ты обожглась о его величие.

Я фыркнула, но внутри что-то ёкнуло — ровно как в десять лет, когда он вытирал мне слёзы своим пиджаком. Сжа-

ла тюбик так, что крем вылез наружу. Только теперь мне не десять, а восемнадцать, и его снисходительность бесила куда больше, чем холодность. Особенно потому, что где-то под этим льдом всё ещё жил тот мальчик, который носил меня на спине, когда я притворялась, что подвернула ногу.

— Пошли, — дёрнула меня подруга за рукав. — Там уже начинается самое интересное, и сотня красавчиков без пиджаков ждёт, когда ты выберешь себе жертву.

И там я познакомилась с Роландом Дорси. Полная противоположность Сета. Не скучный аристократ, а парень с горящими глазами и смехом, от которого становилось тепло. Он был моим доказательством, что мы с Сетом — как тот коллекционный виски в баре отца, годами пылившимся на полке в ожидании особого случая, который никогда не наступит.

Роланд был солнечным хаосом — кудри, нос с горбинкой и губы, как половинки спелого персика. Он снимался для рекламы боксёрских трусов и в клипах звёзд. Играл мне на гитаре (не под луной, а в прокуренном баре), пел каверы на Бибера (романтика) и смотрел так, будто кроме меня в комнате никого не было. С ним я впервые почувствовала себя просто девушкой, а не вечной девочкой из прошлого. Когда он целовал меня, я не вспоминала ни о чём. И это было прекрасно.

Поэтому именно ему я доверила самый неловкий шаг во взрослую жизнь (или по-айвовски: сорвать «пуговку»).

Наши отношения тогда перешли от невинных свиданий

к попыткам остаться на ночь, и мы решили встретить лето под лозунгом: *«Айви, эту ночь ты не забудешь»*. Студия в Брикстоне встретила меня ароматом «Персикового сада» и морем лепестков. Они были везде — даже на кровати из них был выложен мой силуэт. Не спрашивая, он подхватил меня на руки и швырнул в это розовое безумие.

Кто вообще придумал, что это романтично? Когда лепесток прилип к моей губе, я поняла — это не страсть, а повод вызывать 911.

Я закатила истерику (спасибо мадам Морель за уроки драмы), потом глубоко вздохнула (вторая лучшая роль), накричала и демонстративно хлопнула дверью. Дойдя до машины, я в ярости пнула колесо, развернулась и ворвалась обратно. Схватила его за руку — и мы поехали в гостиницу.

Не куда-нибудь, а в «Эванс». Тот самый отель, где мне в восемь лет Дилан Эванс подарил личный люкс с корзиной конфет и плюшевым мишкой. Ирония? Да. Поездка в прошлое? Только теперь не с тем, кто считает меня «безалкогольным коктейлем»...

Шёлковые простыни, духи с нотками жасмина, вид на Трафальгарскую площадь...

Ощущения — как от первого глотка ледяного мартини: мурашки по спине, подкашивающиеся колени, звон в ушах. Где-то между третьим поцелуем и расстёгиванием молнии на моём платье, я поняла — дрожу не от холода. Так я и узнала, что взрослый мир пахнет не только духами, но и потом,

его парфюмом, и чем-то ещё, отчего сердце бьётся так, будто хочет вырваться наружу.

Утром мы «закрепили результат» на переднем сиденье моего жёлтого мини-купера. Тесно? Ужасно. Неудобно? Ещё бы. Но когда его зубы впились в мою ключицу, а руль вдавился в спину так, что остался след, я подумала: «*Хочу ещё*».

Всё лето пахло персиками и дешёвым шампанским из супермаркета. Секс в тесных туалетах кафе, где мы потом рисовали друг на друге смайлики ручкой. Платья с яркими принтами, которые к августу выцвели от ночных стирок в раковине.

А потом я застала его с дизайнершей из Милана — он даже не отпрянул, просто пожал плечами, будто я застала его за чашкой чая, а не с чужими губами на «нашей» подушке.

Горький привкус во рту смешался с остатками помады. Мой первый коктейль взросления оказался именно таким — сладким, крепким и с послевкусием дешёвого вермута.

Тост от Айви:

Настоящий мартини, как и первый секс, не терпит репетиций. Лёд должен быть прозрачным, оливка — чуть солёной, а дрожь в голосе — рвать тишину. И главное — никаких «ой, я передумала».

«Чужая боль»

Коктейль: «Чужая боль»

Ингредиенты: стакан ледяного сентябрьского дождя (можно и два), четыре капли тишины (той, что звенит в ушах после ужасных новостей), запах остывшего кофе в чашке, оставленной на столе (никто не допил — не успели), лёд не добавлять.

Сентябрь встретил меня дождём, который барабанил по крыше так же хаотично, как пульс у меня в висках. Всего неделю назад я с наслаждением швыряла вещи Роланда в мусорный бак, а сегодня утром мама распахнула дверь без стука.

— Дилан и Фет разбились на вертолёте.

Не «погибли», не «ушли» — разбились. Как та дурацкая ваза, которую я уронила в двенадцать лет. Только новую уже не купишь...

По дороге к их дому я вспоминала миссис Эванс — как она в детстве защищала меня от мальчишек. И самого Дилана, который, несмотря на свою жестокость, научил меня главному: *«Если стена — грызи бетон. Если бетон — стань алмазом»*.

В гостиной Сет стоял, будто вкопанный в пол. Его пальцы впились в спинку кресла так, будто это единственное, что удерживало его от падения. Он плакал по-эвансовски: беззвучно, без слёз, лишь челюстные мышцы дёргались.

— Они даже не успели... — прошептал он, когда моя мама обняла его.

Я знала, о чём он. Не успели поссориться в последний раз. Не успели обнять друг друга утром. Не успели стать теми родителями, которых он так ждал всю жизнь.

Когда я взяла его холодную руку, он не отдёргнулся, а лишь слегка сжал её в ответ.

Алфи вжался в угол, сгорбившись, как будто хотел провалиться сквозь стену. Мой вечный партнер по проказам теперь выглядел потерянным и маленьким — совсем как ребенок. В кармане жужжал телефон. Опять эти пустые слова... Люди, которые на самом деле не знали его. Не знали нас.

Я опустилась рядом, боясь лишним движением разбить эту хрупкую тишину. Лоб уперся в его холодное колено. В горле стоял ком, хотелось орать, бить кулаками в стены, трясти его, чтобы вернуть обратно. Но он просто сидел, не шевелясь, и одно слово, как заевшая пластинка, вырывалось наружу:

— Ненавижу...

До сих пор слышу.

Папа поставил на стол хрустальный графин с «*The Macallan M*» — тот самый, что они с Диланом купили на

аукционе, споря, кто упрямее.

— За них, — прохрипел он.

Сет резко встал и налил себе полный стакан:

— За то, что они наконец вместе. — И опрокинул виски одним глотком, будто это был дешёвый напиток из придорожного бара.

Даже в горе мы соблюдали ритуалы — Эвансы и Патель не пьют плохой алкоголь. Особенно когда на дне стакана — вся боль мира.

Я подошла к Сету перед уходом — и он внезапно обнял меня. Впервые за все годы. Задрожала, услышав сбивчивый ритм его сердца. Я ждала этого с тринадцати лет — а смерть притянула нас за секунду.

А потом он оттолкнул меня. Резко, как будто ошпаренный. Его взгляд прожигал насквозь — словно это я виновата, что гроб опускали в сырую землю. Люди в горе ищут тепло. Даже Алфи прижался ко мне, когда звучали последние молитвы. Но не Сет. Ни слёз, ни дрожи — только ледяная стена, от которой кровь стыла в жилах.

Дома я содрала кожу, пропитанную его «подрости», «это несерьезно», «ты не понимаешь». Натянула новую — жёсткую, без следов его одобрения.

Но стоило закрыть глаза — и он снова возникал передо мной. С бокалом виски у окна, которое так и не стало нашим.

После того случая я твёрдо решила: никаких Эвансов. Только учёба, жёсткий график и железный контроль. Если

мир всё равно рухнет в любой момент, то хотя бы свои развалины я огражу стеной.

Совет:

Выпить залпом. Закусить кулаком. И никогда не верить, когда говорят, что хуже не будет.

БУДЕТ!

Глава 3: «Белый слон с розовыми блёстками»

Коктейль: «Белый слон с розовыми блёстками» (после него сразу взрослеешь)

Ингредиенты: одна графиня (бывших не бывает), четыре белые стены (чем теснее — тем крепче дружба), охапка сумасшедших девчонок (вместе мы — сила), наглость (по вкусу).

Взболтать в шейкере амбиций до состояния «*я всё смогу*». Подавать с белым слоном на блюде — символом нашей безумной дружбы. Бонус: после каждого глотка на губах остаются розовые блёстки.

Я тогда с головой ушла в учёбу. Попросила маму запретить любые разговоры про Эвансов. Никаких семейных ужинов — я даже квартиру сняла в пятнадцати минутах от родителей. Там и познакомилась с соседкой, Беатрис Маргаритой Кроли-Фокс, — бывшей графиней, которая оказалась круче любого психотерапевта.

Мы с девчонками коротали вечера за шитьём платьев для неё и обсуждением местных сплетен. Каждый раз, когда в голову залетала мысль о братьях, я хватала карандаш и на-

чинала рисовать. Пока подружки бегали на свидания, я строила из себя самую занудную зануду Лондона. Никакого секса, никаких деловых поцелуев — только я и моя новая, ещё не обжитая кожа.

И знаете, кто меня вытащил? Эта сумасшедшая старушка. Не подумайте, она не стала искать мне жениха. Однажды она просто посадила меня в гостиной, долго молчала, а потом ткнула тростью в пол:

— Плачь, девочка.

Я попыталась улыбнуться, но она стукнула тростью сильнее.

— Пока ты не выплачешься, легче не станет. А раз ты тут у всех лидер, разрешаю реветь при мне. Привилегия!

В тот день я впервые за долгое время позволила себе быть слабой. Сидела на полу, а она гладила мои волосы и слушала, как я рыдаю. А когда стало легче, я вывалила на неё всю свою историю — от первой детской влюблённости до последнего стакана виски.

— Ты можешь закрыть прошлое, но никогда не закрывай себя, — сказала она, попивая виски. — Твой зануда просто слепой. Как вы там говорите... Исколотый манекен. Не закапывай себя в воспоминаниях.

С тех пор я и не закапывалась. Училась. Веселилась. А графиня перевела меня с вина на виски со словами:

— Моя искорка, вино я пила с тобой, когда ты была нежным цветочком. Теперь ты моя *Тэтчер* — только хороший

виски!

В двадцать два я вышла из Лондонского колледжа моды под аплодисменты — с дипломом бакалавра в одной руке и наивной верой в другой, что индустрия моды заждалась именно моих эскизов. Магистратура манила, но сначала пришлось отбыть повинность под названием «стажировка для галочки».

Мне «любезно» (по папиному звонку) предложили место в отделе моды Harrods. На бумаге — перспективы. В реальности — я была «папиной дочкой», которой даже кофе не доверяли приготовить.

На третий день я сорвалась. Не из-за желания что-то доказать — просто поняла: если уж играть роль «вип-брюнетки с папиным счётом», то с размахом. Украла бутылку мартини (мелкая месть) и рванула к своим «швейным бестиям». Мы подвыпили, завалились в караоке, орали Backstreet Boys, а на рассвете, шатаясь перед бутиком Dior, вдруг осознали: *«Мы тоже так можем»*.

Поклялись на оторванном от юбки Хлои кармане: никаких скучных брендов — только дерзкие таланты с огнём в глазах и дырами в бюджете. Так в Челси появился *«Белый слон»* — наш храм модного безумия.

Я — четыре бриллианта на шее слона.

Картер — фиолетовый ирокез.

Белл — ткани в хоботе.

Хлоя — розовый бант на хвосте.

На открытие я позвала самых близких. Даже Алфи — потому что уже не болело. Но он не пришёл. Не ответил. И это стало последней точкой в нашей общей истории детства — мы окончательно повзрослели.

Родители рассматривали нашего слона и умилялись, хотя мечтали о другой жизни для меня. Но я бесконечно благодарна их мудрости: при всём их статусе и возможностях они никогда не давили. Ни в первой любви, ни в выборе профессии.

Даже в выборе первого сексуального партнёра — вместо ожидаемого «*Айви, почему он?*» или нравоучений, я получила от мамы подробную лекцию о контрацепции, запись ко всем необходимым врачам и — самое неожиданное — добавление в чат её гинеколога.

— Теперь будешь получать напоминания о чек-ап вместе со мной, — сказала она, как будто обсуждала мой дипломный проект.

Вот она, моя сила. Вот что значит — быть Патель.

А рядом с родителями личный психолог — моя бесценная графиня. В свои семьдесят (она, конечно, настаивает на «тридцати с хвостиком») она умудрялась спорить с отцом, требовать, чтобы он за ней ухаживал, и приказывать ему «перестать делать это кислое лицо». Потому что кислота — не её стиль.

Сета я не звала. Мне тогда казалось, что эти четыре года тишины навсегда разделили нас. Но в день открытия бутика

мне принесли корзину с шампанским, фруктами и закусками. Внутри лежала записка: «*С открытием*». Я до сих пор уверена — это был он. Только у Сета был такой почерк: каждая буква выведена с хирургической точностью, а потом обведена ещё раз — будто он боялся, что первая линия недостаточно идеальна.

И когда я уже перестала о нём думать, он вновь ворвался в мою жизнь в своём фирменном стиле: «*Я не рядом, но я здесь*».

Первые три месяца в бутике — сплошной ад. Ноль прибили, только крики, слёзы и «*Айви, мы облажались!*» Да, мы держались за счёт папиных денег (спасибо ему), но продолжали верить, что всё наладится. Скупали эскизы у неизвестных дизайнеров, переделывали, пытались продать. Даже участвовали во всех конкурсах.

За три дня до Недели моды мы сидели среди горы тряпья, похожего на «коллекцию».

— Полная чушь! — воскликнула Хлоя, бросая манекен. — У других — креатив, а у нас? Юбки и блузки. А эти ужасные брюки просто никуда не годятся!

Картер затынулась:

— Может, сольёмся? Скажем, что у нас коронавирус.

Я смотрела на них и не хотела верить, что всё — зря. Что наша мечта и пьяная идея разобьётся о реальность. Но и вечно тянуть деньги из отца — не выход.

Когда я уже писала отказ от участия, в бутик ворвалась

Белл с растрёпанными волосами и запахом рома:

— Девчонки, паруса!

Оказалось, её новый бойфренд-яхтсмен так «вдохновлял» её прошлой ночью при лунном свете, что она внезапно осознала: старые списанные паруса — это же готовый материал.

До утра мы рвали их на лоскуты, чтобы сшить блузки и платья (Джек Воробей умер бы от зависти). Канаты превратили в стразовые пояса, рыбацкие сети — в полупрозрачные накидки. Хлоя соорудила корсет, который бы оценили все модные дома Парижа. А наше главное творение — платье с настоящим морским фонарём (папа, конечно, подключился и сделал его рабочим).

Нас заметил Джон Гальяно.

Он скривился, как от дурного запаха, но всё же ухмыльнулся:

— Бродячие циркачи шьют аккуратнее!

Мы не расстроились. Пусть не «лучшие» — зато теперь мы были «те самые ненормальные с парусами». А через месяц наше платье купили за сумму с четырьмя нулями. Как мы тогда радовались! Вернули долг отцу, и тогда всё закрутилось.

Через год наш Белый Слон (уже позолоченный) красовался в витрине нового бутика с сигарой в хоботе (Картер ради прикола засунула, а мы оставили).

А потом началась любовная карусель.

Мужчины следовали одному сценарию: ужин у Темзы

(обязательно устрицы с золотым блеском), мюзиклы (театр обожаю, но не как программу каждого пятого свидания), подарки («носи и вспоминай», пока они трахают своих ассистенток в номерах отелей).

Пробовала менять «ассортимент»: официанты, юристы, бариста. Один раз даже курьер из суши-бара. Итог? Та же сказка, только с растворимым кофе вместо устриц.

К двадцати пяти я выгорела. Айви Патель — та самая девчонка, которая слепила два бутика из пьяной идеи, — мечтала только об одном: сбежать. Подальше от блеска, показухи и вечных «ты должна».

Каждый, кто пытался затащить меня на очередное скучное свидание, получал:

— Следующий!

Или моих подруг, которые мастерски объясняли, что я — не камушек на их дорогих часах.

Тост от Айви:

Можно менять напитки хоть каждый день. Рано или поздно вы перестанете отличать дорогой скотч от разбавленного. Главное — не потерять себя.

«Золотой ураган»

Коктейль: «Золотой ураган»

Ингредиенты: черпак ностальгии (именно той, что врывается без спроса, как Сет в мою жизнь), чемодан (уже не для побега, а для хранения осколков), золотистый мальчик (ой, простите, теперь мужчина), сахарная посыпка (не розовая, иначе не поймёшь — это про меня или его новую пессию), невеста (увы, не я), серая мышь (тоже не про меня, к счастью).

Украсить ледяной крошкой с клубничным сиропом. Не переборщить, ведь после пятого бокала невозможно остановиться. Как и после пятого раза, когда говоришь себе: *«Ну, это в последний раз»*.

Я уже поставила жирный крест на личной жизни и собирала чемоданы. Вернее, чемоданы собирали подруги, пока я сидела на полу с мартини в руке и прикидывала, сколько пар туфель можно запихнуть в ручную кладь. Билеты куплены, маршрут набросан.

Но судьба — та ещё шутница. Подсунула мне бокал с надписью *«Новый старт»*, а внутри — гремучую смесь из старых воспоминаний, двух капель надежды и щепотки *«Какого чёрта»*...

Так я столкнулась с Алфи после семи лет разлуки.

Мы с подругами решили встретиться и обсудить планы по расширению бутика. Я тогда припарковалась у входа на своём белом «Дефендере» (да, жёлтый «Мини» я сменила на что-то посерьёзнее).

Он заметил меня сразу. Я — нет. После всего пережитого я вообще перестала смотреть на мужчин. Но за годы бесконечных и порой абсурдных свиданий я научилась ощущать чужой взгляд, словно он касался моего затылка. Когда я обернулась, передо мной стоял он.

Те же пшеничные волосы, только теперь с прядями, будто их специально растрепал ветер. Щетина (небрежная, но стильная). Потрёпанное пальто (Сет бы в обморок упал). Сигарета во рту.

Перед глазами пронеслось пол детства — как блёстки, сыплющиеся в лицо после взрыва конфетти.

— Патель? Не может быть.

Я подбежала (ничего не меняется) и обняла его. Своего лучшего друга, который всегда был рядом, поддерживая меня во всех наших глупых мальчишеских играх. А когда я сердилась, он умудрялся корчить такие рожицы, что смех невольно вырывался из меня. И именно он придумывал сотни планов, чтобы его старший брат влюбился в меня...

Мы поехали в «Одри Грин» — кафе, где я всегда заказывала латте с двойной порцией сиропа.

— Значит, «Белый слон» — это твоих рук дело? — Алфи

ковырял абрикосовый дениш. — Ну надо же, пиранья Айви прогрызла себе путь в мире моды. Бизнес-леди, прям как папа.

Я фыркнула, откидывая волосы за плечо (жест, отточенный на показах):

— А я не думала, что мамин художник променяет акварели на бетонные коробки.

Он замер, но я видела, как его рука сжала кружку. (Моя вечная беда — сначала выстрелю, а потом разбираюсь, куда попала).

— Архитектура — тоже искусство. Зато я не Сет, — он фальшиво рассмеялся. — Отец гордился бы им. Его эксперимент по выращиванию клона удался на славу.

— Как он? — спросила я, делая вид, что меня внезапно заинтересовала крошка дениша.

— После смерти родителей стало... сложнее. Он пытается втянуть меня в бизнес. Как видишь, пока безуспешно. Сет Эванс — второй Дилан Эванс. Даже галстуки те же носит. Ненавижу этот цирк. Быть Эвансом — пытка.

— Зато ты, как вижу, не особо жалуешь формальности, — я ткнула вилкой в его растрёпанный воротник.

Он рассмеялся, но в его глазах не было ни капли радости — они были такими же пустыми, как бокалы после последнего звонка в баре. Затем он начал рассказывать. О дяде Люке, который украл его невесту. О годах, проведённых в отчаянии, о потерянной вере во всё. Я слушала, затаив дыхание,

будто он разворачивал передо мной клубок из колючей проволоки — больно, но невозможно оторваться.

Мы засиделись почти до закрытия. А на выходе, у портрета Одри Хепбёрн, Алфи неожиданно предложил «секс-дружбу».

Сначала я уставилась на него, как на психа. Алфи стоял передо мной с этим своим чертовски спокойным выражением лица — будто предложил не переспать «по-дружески», а сходить за кофе. Потом подумала: а что я, собственно, теряю? В кино ведь так красиво: друзья помогают друзьям пережить кризис. Без истерик, без обязательств. Как глоток ледяного просекко после сладкого коктейля — резкий, отрезвляющий, с пузырьками, щекочущими горло. Ещё один — и вот ты уже не помнишь, как выглядели те самые «принцы» с их позолоченными обещаниями. Ну, и я согласилась. А что? Звучит же круто — «секс-дружба».

Пока не понимаешь, во что ввязываешься...

Первые месяцы было легко и весело. Никаких: «Почему не ответила?», «Ты опоздала», «Это платье откровенное» — только смех, дорогой виски и секс. Ни свиданий, ни прогулок, ни кино. Его холостяцкая берлога и много мест для страсти. А утром прощание и ожидание следующей встречи (его железное правило: *«Ни одна девушка не ночует в моей квартире»*).

Я врывалась к нему после показов — в вечернем платье, голая, в нижнем белье, а он встречал у двери со словами: «Я

так соскучился!»

Он входил резко — как всегда неожиданно — и только потом становился нежным, словно как тот коктейль, который мы так любили: сначала обжигающая текила, а затем сладкий ликер, смягчающий остроту. Дизайнер и архитектор — мы были гремучей смесью, сплавом творческих натур, где каждая встреча обещала быть захватывающей.

Алфи стал моим драгонфрутом. Розовым, странным, с ключей кожурой. Разрезаешь — а внутри кисло-сладкая мякоть с тысячей чёрных семян. Каждое — как его невысказанные «но»: *«Но мы же друзья», «Но я же не обещал», «Но я не готов на отношения»...*

Я никому не рассказывала про него. Врала подругам в лицо: *«Есть кое-кто... Ничего серьёзного».*

Алфи не хотел светиться — и я делала вид, что мне всё равно. Врала себе, когда замечала свежие царапины на его спине. А когда в шутку спрашивала, не одна ли я у него, он отворачивался к окну, где за стеклом лил дождь. Такой же серый, как моя ревность, которую я запрещала себе чувствовать. Я старалась игнорировать эти уколы сомнения, прятала их за улыбкой и лёгким смехом, но в глубине души понимала: каждая его тайна оставляет шрамы не только на его теле, но и на моём сердце.

— Мы же договорились без допросов.

А потом я ловила себя на том, что жду его сообщений. Покупала его любимый виски. Считала часы до вечера. Пыта-

лась «завязать» — выдержать хотя бы день без наших пошлых вечеринок. Но нет же: сидя на работе, я не смотрела на каталог тканей, я придумывала, чем его удивить. Скидывала ему фото (ню), хохотала над его реакцией и таяла, когда он называл меня «малышкой».

Алфи не ухаживал, как другие. Он был резким и закрытым, но в моменты близости становился нежным до дрожи. В отличие от Сета, который всегда оставался равнодушным, Алфи умел вызывать во мне настоящие эмоции. Со мной он оставался тем самым мальчишкой, который в детстве сунул мне за шиворот медузу, а потом щекотал, чтобы развеселить. Его игривость и дерзость были частью его сущности, и это делало его таким особенным для меня.

Я втянулась. Настолько, что даже пожалела, что в тринадцать влюбилась в Сета, а не в него. А через три месяца... осознала. Влипла. По уши. (Вселенная спасибо, что у тебя такой хороший слух!)

Влюбилась. Как последняя идиотка. Как та самая Айви, которая верила, что Сет Эванс — её принц. Теперь принцем стал он — с щетиной вместо короны.

Я скрывала это. Шутила, кусала его за плечо, притворялась, что всё в порядке. А когда его дверь закрывалась за мной — мчалась домой и ревела в подушку. Из-за слабости. Из-за ошибки. Из-за глупой надежды, что он тоже меня хочет. Девичьи поступки — без логики, и я была живым примером этого. Мне снова захотелось, как когда-то с Сетом,

«исправить» Алфи. Влюбить его в себя. Доказать, что мы можем быть парой. Наивная дура.

Первыми раскусили меня мои бестии.

— Тормоз, — хлопнула меня по плечу Эмили. — Либо рви, либо перестань прожигать тюль.

— Беги, — прошептала Хлоя, поправляя мои растрёпанные волосы. — Пока не сгорела дотла.

Но я осталась. Играла роль «невозмутимой подружки» (моя третья лучшая роль, когда я могу забрать свой «Оскар»?).

А потом я увидела, как Алфи смотрит на Нэтэли Миллер — продавщицу из книжного. Как замирает, когда она язвит. И пазл сложился. Для Алфи я была временной заменой. «Заплаткой» на дыру в его сердце. Зашила его, причесала, отгладила — и вернула миру. А сама осталась с иголками под кожей и нитками, запутавшимися в груди.

Белл засунула меня в машину и привезла к его дому.

— Если ты действительно чувствуешь, что он твой, то борись за него! Не бойся, а действуй! — настаивала она, пока я нервно ёрзала на сиденье.

Я просидела под его окнами сорок минут, кусая губы до крови, пока Белл не взорвалась:

— Слоны боятся только падать, а ты уже в грязи по уши! Шевелись!

Дверь в квартиру Алфи была приоткрыта. Оттуда несло такое, что я инстинктивно потянулась к кнопке лифта. Но я

же Патель. А папины слова «*мы любим по-особенному*» стучали в висках громче, чем их перепалка.

Тихо вошла.

На полу — осколки бокала, лужа виски и Сет с Алфи. Конечно, кто же ещё мог так ворваться в мою жизнь?

Мы не виделись семь лет. Он стал шире в плечах, а у глаз появились морщинки (они ему шли). Всё тот же безупречный стиль, тот же сандаловый аромат. И эти глаза — зелёные, как море в Биаррице перед штормом.

— Привет... — мой голос дрогнул, а пальцы вцепились в прядь волос (моя дурная привычка от нервов).

Взгляд Сета обжёг — но я списала это на их ссору.

Хотела обнять его (мы же столько лет не виделись), но этот идеальный засранец протянул руку для рукопожатия, как будто я случайный деловой партнёр, а не та самая девочка, с которой он провёл всё детство.

А потом началось то, из-за чего я потом неделю не могла спать, прокручивая в голове каждый момент. Алфи, пьяный в стельку, начал нести полную чушь.

— Ты не смог с ней переспать, а я могу. И делаю.

Я застыла, чувствуя себя тем самым манекеном «Лохнесо», над которым спорили два кутюрье — кто первый отрежет кусок ткани. Впервые увидела, как у Сета задрожали скулы. Не просто раздражение — это была настоящая, животная злость.

Они обменялись парой колкостей, а я стояла, будто при-

клеенная. Сотни раз наблюдала за их детскими спорами, но взрослые конфликты... Это было похоже на зрелище, где два льва сражаются друг с другом, не щадя когтей.

Сет ударил первым. Странно — он бил мимо. Будто боялся сделать больно или просто не умел драться.

— Хватит! Он же пьян! — я вклинилась между ними, отталкивая Сета.

Алфи улыбался, а Сет смотрел на меня своим фирменным взглядом, от которого не трясёт — выворачивает наизнанку.

— И ты позволяешь ему так с собой обращаться?

Он поправил волосы и застегнул манжету. Его слова ударили сильнее кулаков. Да, моя ошибка — пустить Алфи так близко. Но, глядя на Сета, я поняла: все мои попытки были лишь желанием доказать, что я не нуждаюсь в его опеке. Его критике. Его равнодушии. И вся эта ситуация только его заслуга. Его вина, не моя!

Уходя, он бросил:

— Не дай ему сломать тебя.

Хорошо, что Алфи ушёл в душ, а я осталась одна среди осколков и вытирала слёзы. Впервые в жизни я проиграла. Сама себе. А когда он вышел и уткнулся лицом мне в колени, меня прорвало:

— Я люблю тебя.

Молчание. А потом — его крик. Крик боли. Я нарушила главное правило. Испортила всё. Разогналась на всех выражах и врзалась в его бетонную стену.

Мы орали друг на друга. Он пытался целовать меня в порыве злости — а я поддавалась. Но потом выложил правду: все эти месяцы он спал не только со мной.

— Ты мерзавец, Алфи Эванс! — голос дрожал от ярости.
— Твой брат прав — ты эгоистичное дерьмо!

Я замахнулась для пощёчины, но остановилась.

— Я год была рядом! А ты трахал каких-то шлюх, а потом приходил ко мне с улыбкой? Будь ты проклят!

Мы стояли посреди разгрома — два дурака, доказывающих свою независимость. Но финалом стала его фраза:

— Айви, я люблю другую.

Эти слова пронзили меня, как острый нож. Я не успела занять место в его сердце и вместо этого оказалась на полу рядом с ним, рыдая, как последняя дура. Сквозь слёзы я дала себе обещание: за каждую пролитую слезинку он мне заплатит.

Наговорила ему сентиментального бреда про верность (до сих пор стыдно). Классика жанра — от любви до ненависти один шаг. Видимо, небеса решили, что моего подросткового фиаско с Сетом было недостаточно. *«Давай, Айви, на бис!»* — визжала Судьба, подливая масла в огонь.

Он смотрел на меня, как провинившийся щенок, а потом произнёс:

— Мне нужен друг.

Эти слова прозвучали так неожиданно, что на секунду я онемела. Опять это. Я что, вечная «жилетка» для чужих пе-

реживаний? Сегодня — «ты мне так нужна», а завтра — «извини, я передумал»? Как будто я просто запасной выход на случай одиночества.

В тот вечер я не могла успокоиться. Ревность сжимала сердце, обида подступала комом к горлу. Меня будто использовали, как вещь: взяли, поигрались и отложили, когда стало неинтересно. Самое обидное — он даже не понимал, как это больно.

Но я — не марионетка. Взяла свою гордость в руки и решила: игра начинается. Кто кого?

— Снова расставляем границы, Алфи? — голос дрожал.
— Дружба без секса?

— Ты уверена, что у нас получится? — он вытер мне щеку (запомните, девочки: никогда-никогда-никогда не позволяйте мужчинам вытирать ваши слёзы. Но мне можно. Я уже всё давно пережила).

Я ушла. Вернее, вырвалась, сжимая в одной руке телефон, а в другой — планы мести.

Женская обида — страшная штука. На автомате я позволила Дженни, своей подружке-журналистке:

— Нужен разгромный материал про Алфи Эванса. «Секс в обмен на контракты» или что-то в этом духе. Скину детали.

Хотелось растерзать его репутацию, но так, чтобы не задеть Сета (старая привычка — беречь его, даже когда сама разбита вдребезги).

План «Б» — отрезать его от всех женщин. Я даже согла-

силась быть его «плюс один» на свадьбе, где его бывшая выходила за дядю Люка (он туда пошёл ради каких-то мужских разборок в бизнесе — не моё дело).

Но там до меня наконец дошло: даже если запереть его в башне, его сердце мне не достанется. Особенно когда он полез в драку с дядей, а потом смотрел на новую пассию тем взглядом, который мне никогда не предназначался.

Он ушёл. Без оглядки. Даже ботинки его не скрипнули — будто я была дверным косяком, который случайно задел плечом. А потом нахлынуло: виски, которым пахло от его воротника, и дурацкие блёстки с того рождественского вечера — они теперь вечно будут липнуть к моей памяти, как дешёвый лак для ногтей.

Лучше бы я тогда уехала в кругосветку...

И тогда ко мне подошёл Сет.

Без слов. Без его вечных нравоучений. Просто стоял, заложив руки за спину.

— Отвези меня, — выдохнула я.

Он кивнул, доставая ключи. В этот момент он был точно таким же, как в детстве, — тем самым мальчишкой, который когда-то, стиснув зубы, полез в море в новых туфлях, чтобы спасти моего плюшевого жирафа...

Так началась наша новая история...

Без бабочек в животе. Без дурацких блёсток. Просто ти-

хое «садись» и дверь машины, открытая специально для меня.

Совет от Айви Патель:

Любовь — это когда тебя забирают с разрушенной свадьбы, не задавая лишних вопросов. Хотя, кому я вообще даю советы? Я сама постоянно оказываюсь в запутанных историях.

И запомните: месть в кино всегда подают холодной. А я предпочитаю её с перчиком Чили... Чтобы и мои мысли пылали, и его сожаления душили (ведь он уже не мой). А сарказмом можно и переборщить — пусть потом давится, пытаясь это проглотить.

Глава 4: «Фокачча «по-сетовски»»

Вы уже оценили десерты? Алкогольные коктейли не затуманили ваше сознание? Тогда приготовьте столовые приборы — нас ждёт переход к основным блюдам. Вилки или суши-палочки — выбирайте оружие по вкусу. Но помните: здесь легко обжечься или, наоборот, заledenеть от холода.

Фокачча «по-сетовски» (рецепт, от которого тает не только сыр)

Ингредиенты: молчание (редкий для меня компонент), решающая секунда (та, что между «я должна уйти» и «ещё чуть-чуть»), щепотка юмора (как разрыхлитель для теста), твёрдое мужское «нет» (у кого какая фантазия).

Чёрный «Рэндж Ровер» Сета стоял на *Окле-й-стрит*, напротив бронзового «Мальчика с дельфином». За окном лил дождь, его стук по крыше сливался с моим сердцебиением. Я не решалась выйти — двигатель работал ровно, а тепло в салоне убаюкивало, словно предлагая остаться ещё на минуту.

Сет даже не смотрел в мою сторону, словно я была пустым местом. Я сжала пальцами край сиденья, чувствуя, как тревога медленно поднимается к горлу. Мы молчали, видимо оба ждали, кто первым не выдержит.

За окном блеснула бронза скульптуры — дельфин улыбался своей вечной улыбкой, а я ловила взглядом отражение в стекле: Сет, дождь, огни моста Альберта... и себя — такую маленькую в этом огромном салоне.

Украдкой бросила взгляд на Сета. Он уставился в лобовое стекло, но свет с моста выхватывал фрагменты: резкую линию скулы, тень от ресниц, скрывающую взгляд, и... его губы.

«Господи, как же я хочу их прикусить!»

Сердце колотилось так сильно, что ещё немного, и оно точно выпрыгнет из груди. Пальцы непроизвольно сжимались и разжимались. Я резко вскинула голову — пряди прилипли к размазанной помаде. Пальцы автоматически потянулись поправить, но только усугубили ситуацию. Идеально. Теперь он точно уверен, что я неряха.

Мне уже было всё равно. Я до тошноты устала от этих вечных метаний между яростью и всепрощением. Особенно бесила мысль об Алфи — его слащавая улыбка, наша пресловутая «дружба», оказавшаяся обыкновенной трусостью. Вместо решительного разрыва я выбрала путь наименьшего сопротивления — и теперь сама не понимала, чего же хочу на самом деле.

Злюсь на Сета... Но за что? Он просто оказался под рукой. Грушей для битья? Или спасательным кругом?

«Патель, какие глупости».

Пальцы нервно забарабанили по коленям, выстукивая мо-

тив «Лунной сонаты».

«Интересно, а в постели он тоже каменный?»

И снова не о том думаю.

Потянулась за сумочкой — и задела его руку. Кожа оказалась обжигающе горячей после холодного вечера. Сет не отстранился, а просто замер, будто ждал, что я сделаю дальше. А я уже забыла, зачем вообще потянулась. По спине побежали мурашки, словно кто-то резко стянул с меня платье.

— Спасибо... — голос звучал хрипло, будто я тащила сто манекенов по лестнице колледжа.

Пальцы скользнули по холодной ручке.

В ответ — тишина. Ни «пожалуйста», ни даже взгляда. И этот человек учил меня манерам?

— Доброй, но... — начала я, но закончила только фальшивой улыбкой. Даже «ночи» не вышло. Братья Эванс выжали из меня все силы.

Его молчание бесило.

— Надеюсь, в следующий раз своё занудство ты оставишь дома!

И тут он наконец посмотрел на меня. Губы чуть приоткрылись, — подбирал слова.

«А какие они на вкус... Ты точно перепила, Патель».

— Мистер Чепмен, проводите мисс Патель до дома, — бросил он сухо. Водитель тут же вышел на улицу.

«Высокомерный индюк!»

— Спокойной ночи, — неожиданно сказал он.

Моё сердце замерло на мгновение, а в груди стало тепло и тревожно. Он улыбнулся, и в его взгляде промелькнуло что-то неуловимое — будто он знал, какое впечатление производит.

А я... я не могла отогнать внезапные мысли. Его рука на моей талии, мои пальцы в его волосах, его губы так близко, что дыхание смешивается... Голова кружилась, и я едва сдерживала дрожь.

«Хочу его. Нет... Это же Сет. Нельзя».

Сумочка шлёпнулась на сиденье. И прежде чем мозг успел протестовать, я уже сидела у него на коленях. В его глазах — настоящий шок. Наконец-то я пробила эту ледяную броню.

— Айви... что ты...

Не дала ему закончить. Впилась в его губы — сладкие, как бриоши от Роже, но с горчинкой коньяка. Шампанское развязало не только язык, но и руки со жгучей потребностью доказать, что между нами стоят не только детские обиды.

Сет не ответил на поцелуй, но и не оттолкнул. Со стороны это могло показаться попыткой растопить айсберг лишь теплом своего тела.

Я отстранилась, но его пальцы, словно крепкие корни, впились мне в бёдра — больно, но мурашки пробежали до самых плеч. В его руках я почувствовала лёгкую дрожь, как будто скала начала трещать под напором чувств.

— Прости, — прошептала я, чувствуя, как его дыхание обжигает мои губы. — Просто интересно было проверить,

каково это — целовать статую. Всех девушек ты так... методично разочаровываешь?

— Во-первых, я не камень, — он коснулся моих губ. — Я просто знаю цену контролю. А во-вторых, целую только тех, кто не прячется за спиной моего брата.

Он всё понял.

Алфи — моё убежище. Не просто «друг», а крепость из песка, где удобно прятаться от правды. А правда смотрела на меня его изумрудными глазами и не собиралась отводить взгляд.

Сет всегда говорил правду. В десять лет, когда я плевала на его туфли: *«Ты боишься признать ошибку»*. В двенадцать, когда ломала его карандаши: *«Разрушать легче, чем создавать»*. И сейчас, когда цеплялась за Алфи: *«Ты используешь его, чтобы не смотреть в глаза себе настоящей»*.

— А я привыкла, чтобы мужчины горели, — выдохнула я, чувствуя, как злость подкатывает к горлу, — а не коптили небо своей холодностью!

Он так резко накрыл меня поцелуем, что я вжалась в сиденье. Вот он, настоящий Сет: терпеть не может критики, но никогда не упустит вызов.

Вешалка для смокинга впивалась в спину, но его руки заставляли забыть о любой боли. Я не пыталась сдерживать громкие, наглые стоны, от которых у меня самой горели щёки. (Водитель, прости.)

Единственное, о чём я могла думать, — это то, что упира-

лось в меня сквозь дорожную ткань его брюк. А ещё я ругала себя за то, что не надела то самое кружевное бельё из новой коллекции, а ведь мы его продумывали так, чтобы ни один мужчина при его виде не остался равнодушным.

Отстранилась. Уличный фонарь скользнул по его губам, которые он медленно облизал. Потянулась пальцем — но он резко схватил меня за запястье. Зануда не меняется.

— Ладно, беру слова назад, — я попыталась сползти, но...

Он рывком притянул меня обратно. Пальцы впились в подбородок, а губы снова слились в поцелуй. Мы целовались, как школьники на задней парте — жадно, неумело, с перехватом дыхания. Его язык обжигал, как бурбон у графини, от которого я всегда кашляю, но всё равно пью (ей не откажешь).

Ещё секунда — и я тонула. Самообладание? Оно валялось где-то на полу вместе с моим достоинством.

А потом в голове пронеслись картинки будущего, и меня накрыл стыд. Я целую свою «взрослую няню». Завтра я точно пожалею.

Сползла с него, ощущая, как дрожат колени — словно я только что выбежала из ледяного океана. Его тяжёлое дыхание переплеталось со стуком дождя по крыше, создавая мелодию ночи. Я изо всех сил старалась дышать ровно, чтобы не выдать ни волнения, ни возбуждения, пряча свои чувства за маской спокойствия.

— Классно целуешься... — Айви, заткнись! (Я не могу

молчать, когда кто-то долго не говорит. Мой мозг сам заполняет паузы глупостями.)

Он молчал.

Мы, женщины, любим кружевные слова: шепчем глупости, дарим прозвища («*любимая реплика*», «*зайчик с кредиткой*», «*занудка с кислинкой*»).

А у мужчин вместо словаря — только язык тела: взгляд с приподнятой бровью («*Ты неотразима*»), палец на губе («*Я тебя хочу*»), укус за ягодицу («*Ты сводишь меня с ума*»). (Де-люсь исключительно богатым и печальным опытом. Все совпадения — не мои проблемы).

Сет постучал в окно, и водитель вернулся за руль. Пора было прощаться, но шампанское, бурлящее в крови, требовало продолжения.

— Мистер Чепмен, закажите себе такси, — бросил он, не отрывая от меня взгляда. — Я останусь.

Да, Сет — это правильное решение. Потому что всё, чего я хотела, — это секса. Пусть завтра мне будет стыдно. Пусть это очередная ошибка. Но я ведь коллекционирую грабли — так пусть Сет Эванс станет моим золотым экземпляром.

Водитель исчез.

— Ко мне? — спросила я, молясь, чтобы он не предложил свой отель.

— А можно?

Он ещё спрашивает!

Мы ворвались в квартиру, как в плохом эротическом

триллере — одежда летела в разные стороны, туфли терялись по пути, его пиджак застрял за диваном.

Он прижимал меня к себе так, будто хотел вдавить в стену, а я впивалась пальцами в его спину. Странно. Когда-то в детстве я швыряла в неё ракушки и хлестала ветками, а сейчас цеплялась, как пуговица за его рубашку.

Никогда бы не подумала, что Сет Эванс — пылкий любовник. Мысль казалась нелепой. Раньше, когда его образ всплывал в памяти за очередным скучным свиданием, я представляла механического человека: чёткие движения, расчётливые прикосновения, холодные губы, выверенные до миллиметра. И ни намёка на ту безумную сладость, что сейчас заполняла каждый мой нерв.

Его губы нежно коснулись моей шеи — сначала с осторожностью, как будто боясь что-то нарушить. А вскоре в них разгорелся голод, и знакомое жжение заполнило каждую клеточку моего тела — словно острый удар текилы с перцем: сначала резкое ощущение, а затем волна тепла, от которой невозможно укрыться.

«*Так вот какой ты на самом деле...*» — пронеслось в голове, пока мои губы искали его. Тот самый Сет Эванс, который с лёгкостью уничтожал конкурентов на переговорах, теперь разрушал меня — но совершенно иным способом: не холодной логикой, а обжигающими прикосновениями; не беспощадными аргументами, а губами, способными вырывать из меня стоны.

— Где спальня? — прошипел он.

Я пальцем указала направо. Он подхватил меня на руки — как в тех романтических комедиях, что мы с подругами обожали смотреть. Но через секунду поставил обратно.

— Прости, я не...

Мужчины! Закатив глаза, я схватила его за запястье и потащила за собой.

В спальне я избавилась от платья одним движением и растянулась на кровати, как подтаявший эклер, который вот-вот потечёт. А Сет разыгрывал «Терминатора» в замедленной съёмке. Снял брюки. Аккуратно сложил. Поправил складки.

— Линеечку принести? — не удержалась я, скосив глаза.

Он бросил на меня взгляд, в котором смешивались возмущение и дикое желание придушить меня голыми руками. (Да, я умела выводить его из себя всего за пять секунд).

— Не смешно! — буркнул, но не ускорился.

— Боишься помять?

Виновато шампанское. И моя несносная привычка дразнить его до предела.

И вдруг он искренне улыбнулся — впервые за весь вечер. Снял рубашку и аккуратно повесил её на спинку стула. (Как это возможно? Пиджак — можно бросить, а рубашка — будто священная реликвия?)

Забираю слова про «пылкого любовника» обратно. Но тут мой взгляд упал ниже. «Ого-го-го-го...» Вот где вся его «скоростная страсть» решила поселиться...

Он подошёл в белых боксёрах и навис надо мной.

— Твоя броня против моей? — тыкнула пальцем в его хлопковый щит.

— Айви!

Сет взорвался. Сорвал их. Швырнул в угол. Мои полетели следом. Принцип «один за всех» сработал на ура.

Его поцелуй был как сам Сет — без лишней суеты. Губы кусали, а язык скользил с отлаженной чёткостью, словно дворники по стеклу его «Рэндж Ровера». (Тут ему плюс. Лично я терпеть не могу, когда во рту мечутся, как на распродаже в «Zara»).

Мой внутренний болтун не выключался:

— Есть любимые позы?

Он резко остановился, оторвав губы от моей шеи.

— Пиранья, ты всегда такая болтливая? — прошипел он и укусил за сосок.

Пульсация защекотала внизу живота. Я вцепилась в его волосы и аккуратно прикусила кончик носа (мало ли обидится).

— Не нравится? Проваливай! — дунула ему в губы.

Его брови поползли вверх, а вместе с ними — моё желание заткнуть себе рот (сколько ни пробовала — не получается).

— Не люблю, когда дело не доведено до конца.

— А я не люблю, когда мужчина сверху. Усвоил?

Он резко встал.

«Ну всё, испортила шанс на горячее «спокойной ночи»».

Сет протянул руку, и я заметила, как его пальцы едва дрожат, хотя он старался этого не показать. Этот едва уловимый трепет разрушал его образ безупречного контролёра.

— Будешь сверху. Защита есть?

Я швырнула ему презерватив, уже представляя, как он будет возиться с упаковкой. Но Сет поймал его одной рукой и мгновенно вскрыл: без колебаний и лишних секунд. Я закусила губу. Даже в этом он оставался безупречным. Невыносимо компетентным. Возмутительно сексуальным.

Я прижала его ладонь к груди, давая понять, кто здесь задаёт тон. Его пальцы осторожно исследовали мои бёдра, сначала деликатно, а затем с уверенностью, как будто тестируя текстуру. Я не удержалась и застонала, когда он резко сжал соски, словно проверяя их готовность. Боль пронзила меня, как первый глоток крепкого кофе. В ответ я вцепилась зубами в его шею, но вдруг он остановился...

— Нет, — прошептал, переворачивая меня. — Сегодня я сверху.

Прежде чем я успела возмутиться, его солёные губы накрыли мой рот. Он работал как пекарь-перфекционист: сначала лёгкие касания, будто просеивает муку сквозь пальцы, а затем резкое сжатие «пуговики» — и волна мурашек покрывает с головой.

— Тебе нравится так? — его палец резко скользнул внутрь (даже в сексе ему нужен контроль).

— Выключи ты уже зануду!

— Айви, ты можешь замолчать?

— Не люблю пресную еду-у-у-у-у — мой протест превратился в стон, когда он добавил второй палец. Третий — и мои руки тянули его волосы, но кричал уже он (надеюсь, от удовольствия).

Он резко высунул пальцы и засунул мне в рот. «Розовая соль» растеклась по языку, а следом — его губы, вылизывающие мои.

Первый толчок — резкий, без предупреждения. Пауза. Ещё два — точных, как в его почерке (каждую букву по два раза). Я дрожала, ноги подкашивались в такт. Когда из горла вырвался стон, он перевернул меня, раздвинул бёдра коленом и вошёл снова. Я выгнулась (спасибо фитнес-тренеру — он бы оценил).

Шлепок по уже горячей коже отозвался сладкой болью.

— Не пресно?

В ответ — только мой смех в подушку. Фокачча «по-серовски» готова. И, кажется, даже с хрустящей корочкой...

Мы лежали молча, наблюдая, как перья на светильнике колышутся в такт нашему дыханию.

Сет встал первым. Мой взгляд скользнул по его спине — там, где обычно пряталась его холодность, теперь краснели следы моих ногтей. Маленькая, но победа.

— Можно принять душ? — спросил он, не оборачиваясь.

— Конечно. Направо. Или проводить?

Он лишь махнул рукой и вышел.

Я притворилась спящей, когда он вернулся, но хитрая улыбка выдала меня в тот момент, как он накрыл меня одеялом — с раздражённым вздохом, будто выполнял тяжкий долг. А потом лёг так, чтобы между нами оставалось расстояние для целого тома его принципов.

— Ну наконец-то ты поспишь со мной, а в десять лет говорил, что готов спать на земле, только не рядом, — прошептала я в темноту.

Он не ответил. Только отодвинулся ещё дальше. Отчего моя улыбка стала только шире.

Советы от шефа:

Идеальный секс требует: страсти (огонь в глазах, а не только в печи), гибкости (даже самый упрямый «миндаль» может стать мягким в тёплом молоке), смелости (шлепок — тоже приправа). И главное — молчите. Мне просто повезло.

«Горячий кофе с привкусом катастрофы»

Горячий кофе с привкусом катастрофы

Ингредиенты: самая горькая арабика (без сахара, без намёка на «*повторим?*»), один холодный Сет Эванс (разогреть невозможно), щепотка утреннего стыда, остатки шампанского (больше не надо), золотой ураган (желательно на грани срыва).

Я проснулась от двух вещей: невыносимой головной боли, которая напоминала о вчерашнем шампанском, и ледяного барьера, образованного мышцами и костями, именуемого Сетом. Его рука, ещё вчера обжигавшая мою талию, теперь застыла в нейтральной зоне — ни его, ни моей.

За окном моросил лондонский дождь, будто город стыдливо смывал следы нашего безумия. Шторы пропускали тусклый свет, штрихуя кровать на полосы: хотелось — получилось — пожалели. Всё как в нашей истории.

Его будильник зазвонил. Даже в воскресенье. Ну, конечно.

Я потянулась, случайно задев его ногу. Никакой реакции. Ни улыбки, ни намёка на вчерашнюю страсть, от которой

у меня до сих пор дрожали колени. Только сухое: *«Доброе утро, Айви»* — и он уже на ногах. Классика.

Жалею? Нет. Но каждый раз, когда мужчина отдаляется, я бросаюсь вперёд, пытаюсь доказать, что достойна его внимания. Может, всё началось с того дня, когда папа впервые сказал: *«Ты будешь миссис Эванс»*? Я столько лет пыталась заслужить эту роль — сначала у Сета, потом у Алфи. А они... они просто видели во мне «девочку Патель», которую можно то притянуть, то оттолкнуть. И теперь я сама не понимаю: мне нужны они или просто ощущение, что я кому-то небезразлична?

— Кофе или чай? — спросила я, кутаясь в одеяло с дурацким вышитым слоном (подарок Хлои, которая считает мою квартиру «музеем одиноких ночей»).

— Выпью на работе.

Он схватил телефон, и в его лице я увидела знакомые черты — сжатая челюсть, взгляд, который обычно пронзал меня в моменты, когда я совершала что-то невообразимое. Но мы же просто переспали. Или у него что-то случилось?

— В воскресенье? — не удержалась.

— Нужно ввести Алфи в курс шотландского проекта.

Ага. То есть *«спасибо Айви, но это ничего не значит»*. Я быстро встала с кровати, стараясь скрыть дрожь в подбородке. Душ. Срочно. Пусть вода смывает не только его запах, но и этот дурацкий стыд — словно я снова стала той девочкой с блёстками, потерявшей в своих мечтах.

Когда я вышла из ванной, Сет уже был одет, словно ночи, полной страсти и криков, не было. Он выглядел так, будто просто зашёл на несколько минут, чтобы подписать бумаги.

Его взгляд задержался на моих губах, и я медленно провела по ним языком, надеясь, что хотя бы что-то в нём дрогнет. Он подошёл ближе, и моё сердце забилося быстрее в ожидании горячего момента. Но Сет лишь поцеловал меня в лоб. Именно так, как закрывают досье: *«Дело завершено»*.

— Всего доброго, Айви.

И ушёл. Без *«спасибо»*, без *«было круто»*. Как дорогая кофемашина: выдал порцию страсти — и тут же отключился.

Я плюхнулась на кровать, уставившись в потолок.

Сразу завибрировал мой телефон. Алфи.

— Нам нужно поговорить, — его голос был холодным, как лёд в стакане виски.

— Срочно? — у меня не было сил его видеть. Но стыд уже бил в виски, как второе похмелье.

— Да. Жду на нашем месте.

Холодный пот выступил между лопаток. Сет уже успел рассказать. Конечно, рассказал. Братья Эвансы делят всё — даже мой позор.

А потом я увидела: сорок сообщений от Белл, пятнадцать — от Хлои, и ссылку на статью: *«Алфи Эванс — новый Хью Хефнер?»* Дженни, чёрт возьми, превратила мой *«он иногда флиртует с моделями»* в *«отели-бордели»*. Руки дрожали так сильно, что я трижды промахнулась, пытаюсь вызвать

такси.

Сет убьёт меня. Сначала задушит галстуком, а потом вернёт к жизни — лишь для того, чтобы снова убить.

Я не помню, как собралась, но в голове постоянно стучало: *«Ты идиотка, ты идиотка, ты идиотка»*.

— Национальная галерея, — бросила я водителю, наблюдая Дженни.

Всё кончено. Не потому, что Дженни предала, а потому, что я, как идиотка, дала ей повод. Сет теперь возненавидит меня. А Алфи... О, Алфи уже ненавидит. И всё из-за того, что мне в десять лет понравилось быть частью семьи Эванс? Я год держалась за Алфи, потому что он казался «безопасным» вариантом. Но затем я бросилась к Сету, словно голодная на последний кусок мяса. И что теперь? Они — семья. А я... а я кусочек лайма, который выдавили и выбросили.

Наконец, та взяла трубку на пятнадцатом гудке.

— Ты с ума сошла?! — закричала я. — Это не то, о чём мы договаривались!

— Ой, Айви, не будь занудой, — засмеялась Дженни. — Твоя версия была скучной.

— Напиши опровержение!

— Ни за что. Газета в топе.

— Верни мои деньги!

— Какие деньги? — Дженни рассмеялась и бросила трубку.

Я орала в такси, пока водитель не включил музыку на пол-

ную. Нужно было срочно что-то придумать. Они же не узнают, что это я заказала статью. Или узнают? Я застонала, злясь на себя. Почему я всегда как бумеранг — несусь сломя голову и возвращаюсь с синяками?

Кафе «*Одри Грин*» пахло корицей и дрожжами. Алфи сидел у того же столика, где мы прошлый раз рассказывали о своих неудачах в любви. Теперь он крутил стакан с кофе, а я смотрела на тарелку с лимонной полентой. Последний завтрак приговорённой.

— Извини за опоздание, — прошептала я, опускаясь на стул.

Он молчал. Звук кофемашины, смех за соседним столиком, чьи-то шаги по лестнице — всё казалось громче, чем было. Даже моё дыхание.

Он знает. Конечно, знает. И сейчас будет орать. Или, что хуже, — смотреть с этим ледяным разочарованием. Я готова на всё: валяться в ногах, кричать, что это случайность... Но это же ложь. Я хотела эту ночь с Сетом. Хотела, чтобы Алфи увидел и... Что? Заревновал? Захотел меня обратно? Да, я как коллекция Гальяно в 2011, абсолютно невменяемая. Они не вещи, которые можно перехватывать, как книжки в детстве. И теперь мне придётся жить с этим. Я испортила отношения с единственным мужчиной, от которого у меня дрожали колени, и подставила их обоим в прессе. Гениально, Айви. Просто гениально.

Я глубоко вдохнула, собирая мысли в единую точку, и вы-

палила:

— Я переспала с Сетом!

Тишина повисла в воздухе, словно паутина, готовая разорваться от любого движения. Я ожидала реакции, но вместо этого слышала его смех. Это был не тот смех, который когда-то заставлял моё сердце биться быстрее, не тот солнечный, искренний, который наполнял меня теплом. Нет, сейчас это был новый смех — взрослый, с налётом цинизма, который оставлял за собой холодный след.

— Ну, братец... — он покачал головой.

— Лучше бы ты орал! — я вскочила.

Стул скрипнул, официантка испуганно оглянулась. Где-то упала ложка. Послышался плач ребёнка. Из-за него я начала сильнее заводить. Да, мои эмоции — моё проклятие.

Алфи схватил мою руку:

— Айви, прости.

Я опустила обратно, сбитая с толку.

— Я думала, ты из-за этого позвал меня.

— Нет, я хотел поговорить о другом.

И тогда он начал говорить о любви. О той единственной, которая станет для него всем. А я ковыряла вилкой десерт. Всё, что я считала любовью, оказалось детской привычкой — цепляться за того, кто рядом.

— Я не смог полюбить тебя как надо, — сказал он.

«Не смог полюбить». Эти слова режут глубже, чем «ненавижу». Потому что ненависть — это хоть какая-то эмоция.

А здесь пустота. Может, я сама превратила наши отношения в эту игру? Цеплялась за Алфи, потому что с ним было спокойно, нежели с Сетом и его ледяными взглядами. Но разве это любовь? Или просто страх остаться одной?

Алфи бросил не меня уставший взгляд.

— И твоя месть... эта статья...

Тут меня накрыло. Он знал. А значит, и Сет уже знает.

— Я хотел накричать на тебя, но не имею права. Даже за то, что ты переспала с моим братом.

— Алфи...

— Я — подонок. Ты вытащила меня из ямы, а я...

Он откусил кусочек булочки и закрыл глаза. На мгновение передо мной снова был тот самый старый Алфи — мой лучший друг.

— Прости меня, — еле слышно прошептала я.

— Всё в порядке. Сет не узнает о статье.

Он встал и дал знак официанту:

— Ещё кофе? Расскажешь, как тебе... ночные беседы с братом?

Я промолчала. В его спокойствии было что-то неестественное. Алфи ненавидел истеричек, ревность и все эти «женские штучки». А тут так легко принял новость о Сете? Так просто простил статью?

(Спустя год, под воздействием алкоголя, он наконец решится признаться: для него я была не просто подругой детства. Он мечтал о том, чтобы я видела в нём не только друга,

но и любимого человека. Когда я согласилась на нашу «особую дружбу», он превратил меня в дорогой аксессуар, эгоистично цепляясь за меня, пока не встретил ту самую — продавщицу книг. И тогда понял: моя статья — мелочь по сравнению с тем, как он мной пользовался. Он стремился быть «Сетом номер два», вытирая об меня ноги с той самой милой улыбкой. Секс с Алфи стал моей самой большой ошибкой. Как друг он был прекрасен, но не более того. Этот урок я усвоила на отлично: настоящие чувства не должны превращаться в удобство, а любовь не может быть лишь игрой.)

Перед выходом он обнял меня. Мы снова стояли у картины Одри Хепбёрн, как когда-то.

— Друзья? — спросила я, тыкая его пальцем в живот.

— Клянусь Одри, — он поцеловал меня в макушку. — Но если ещё раз подставишь меня в прессе — убью. С улыбкой.

— Ты невыносим! — я чмокнула его в щеку и выбежала на улицу.

Алфи Эванс — лучший друг. Не более.

Совет от Айви Патель:

Если твой бывший называет тебя «будущей миссис Эванс» — бей его ложкой по лбу. А если после ночи с его братом он просто заказывает кофе — собирай чемоданы в кругосветку.

«Тартар из мраморной говядины под трюфельным соусом»

Тартар из мраморной говядины под трюфельным соусом

Ингредиенты: усталость (лечь и не вставать), тридцать одна роза (именно белая, именно тридцать одна — не меньше, не больше), пиджак *Henry Poole* (обязательно забытый вашим мужчиной, обязательно дорогой), ножницы (острые, чтобы резать намерения, а не только ткань), фантазия (любая, но лучше — ядовитая).

Я вломилась в дом и схватила бутылку шампанского. Глотнула прямо из горла — пузырьки щекотали нёбо, словно его губы на моей шее. Два брата. Оба Эвансы. Один оставил на мне свою подпись, другой разорвал мечты в клочья. Родители ошиблись: из меня не выйдет миссис Эванс.

Снова я играю роль доброй Патель. Вру Алфи. Вру себе. Вру Сету, зная, что он видит мою ложь насквозь.

Хотела скинуть платье, но в дверь внезапно постучали. Тихо.

Графиня всегда стучала тростью, а этот стук был слишком осторожным.

— Кто?

— Курьер, мэ.м.

Я открыла дверь и увидела парня с улыбкой, которую он явно оттачивал перед зеркалом целых десять минут. Медленно провела пальцем по косяку, ощущая его холодную поверхность. Если бы он знал, что его «мэм» пять минут назад готова была сжечь весь мир, он бы не улыбался. Но правила игры знала только я.

Он протянул мне корзину. Белые розы. Огромные, в фиолетовой плетёнке (мой любимый цвет). Аромат сладкий, ванильный, как та ночная страсть, которая осталась на моих простынях.

Внутри записка с идеально ровными буквами.

Сет Эванс. И простое «спасибо». Как будто я — кассир в супермаркете, а он — клиент, которому автоматически выдали чек: «*Ждём вас снова!*» Злость накатила — резко, как удар по лицу. Я даже задохнулась.

Мужчины, запомните: после секса не пишите «спасибо». Это звучит как чек из супермаркета. Лучше скажите: «*Лучшая ночь*» или «*Я не могу перестать думать о тебе*». Но не «спасибо». Никогда.

Я швырнула записку на пол, подняла её и смяла, а затем бросила в стену — точно в нашу детскую фотографию. Дружим бы простила. Тебе — нет. Эти розы ты будешь вспоминать долго...

Одна... две... три...

Тридцать одна. Скупердяй. Почему не сто? Почему не триста? Почему не две, чёрт возьми?!

Лучше бы не присылал ничего. Видимо сегодня Эвансы решили добить меня окончательно. Раз первому досталась статья, то второй получит у меня по полной программе.

На полу я заметила его пиджак. Сначала мне пришло в голову исполосовать его — банально. Затем — сшить из него платье и отправить ему фото. Слишком предсказуемо.

И вот тогда появилась новая идея.

Вырезать полоски, скрутить их, отрезать бутоны роз и прикрепить к стеблям тряпичные цветы.

Мсть должна быть красивой. Но почему я хочу мстить? За что? За то, что он послал цветы? Или за то, что, пережив всю эту историю со мной, он осмелился остаться невозмутимым? Или я просто злюсь на него за то, что он снова дал мне надежду? Мои пальцы впились в плетёнку корзины так сильно, что тонкие прутья врезались в кожу. Этот сладкий ванильный запах — он помнил. Помнил, как в двенадцать лет я украдкой нюхала эти розы в его саду, пока он упорно делал вид, что не замечает...

Хватит! Я — Айви Патель — и завтра Сет Эванс поймёт, что его *«спасибо»* — только начало.

Я не копошусь обычно в чужих карманах, но вдруг там лежало что-то важное? Нет, пусто. *«Все люди — пустота»*. Я сжала шёлковую подкладку. Если он заставит платить за испорченную вещь — плевать. Мой банковский счёт пере-

живёт этот удар. Зато *Скрудж Макдак* впервые познает, каково это — стать жертвой начинающего кутюрье.

Беру ножницы в ящике с бижутерией, где их точно быть не должно. Уже представляю, как его скулы белеют от ярости. Прямо как в детстве, когда я тайком брала его рубашки. Особенно доставалось носкам: у каждой пары была своя коробочка. (До сих пор в его гардеробе царит строгий порядок: коробки для галстуков, ящики для запонок, специальные вешалки для ремней.)

Три часа кропотливой работы. Корзина тряпичных роз готова. (Хотя могла управиться и за два часа, если бы не мои бестии из чата с их голосовыми: *«Айви, мы хотим поехать с тобой...»*)

Осталось вручить «подарок» лично. Он сейчас в офисе и точно не ждёт меня.

Вновь неожиданный стук в дверь заставил вздрогнуть. Открываю — и вот она, моя спасительница от всех дурацких мыслей, миссис Фокс, в своём привычном шерстяном платье и с глазами, полными искреннего интереса.

— Милочка, я прождала всё утро! — ворвалась она в квартиру, размахивая тростью. — Оставлять меня без подробностей о том красавце, который утром уходил от тебя, — преступление!

— Это... старый друг, — выдавила я. — Таблетка от головной боли.

— Головной? — фыркнула графиня. — По-моему, ты ле-

чишь совсем другие части тела, дорогая.

Я рассмеялась. Именно за этот яд в голосе я обожала свою семидесятилетнюю соседку. Иногда мне казалось, что я — это она, только в молодой оболочке.

— Чай? — предложила я, замечая следы преступления (то есть нитки) под диван.

— Какая прелестная корзина, — проигнорировала моё предложение графиня, тыкая тростью в мои «розы». — Хотя пахнет... «своеобразно».

— Это месь, — прошипела я. — Творческая.

Её бровь поползла вверх, а губы растянулись в ухмылке.

— У меня есть кое-что для тебя, — вдруг заявила она и исчезла, оставив после себя шлейф лаванды.

Ровно через семнадцать минут (я засекала) она вернулась с флаконом, который выглядел древнее моей дружбы с Сетом.

— Духи моего жениха-неудачника! — торжественно провозгласила графиня. — Он так и не решился сделать мне предложение. Пусть теперь послужат благому делу.

— Сколько им лет? — я осторожно взяла флакон.

— Если моя склеротическая память не врёт, то около пятидесяти, — она опустилась на диван с грацией не графини, а королевы. — Открывай!

Пробка со скрипом поддалась. Аромат ударил в нос — представьте себе заброшенное здание, где смешались запахи сырости, увядших пионов и... Апельсина с дубом.

— Они... испортились? — сморщилась я.

— В 1970 году это называлось *«букетом страсти»*, — фыркнула графиня. — Капнешь две капли — и он навсегда запомнит аромат *«мести»*.

Мы пили чай с её любимыми эклерами, она раздавала советы (*«Никогда не мсти в джинсах, дорогая»*), а я внезапно попросила у неё платье.

— У меня есть несколько вещей в стиле леди Дианы, — ответила она, и вскоре мы обнаружили именно то, что подойдёт для Сета: белое с голубой полоской, украшенное кружевной отделкой. Это платье словно кричало: *«Я невинна, как ангел»*, но при этом шептало: *«И опасна, как остриё ножищи у края дорогой ткани»*.

Если уж идти на войну, то с шиком. Конечно, я могла надеть что-то откровенное или дорогущее... Но нет — Сет Эванс получит за своё *«спасибо»* меня в безупречном образе.

Миссис Фокс заплела мне «колосок».

— Держи голову ровно! — графиня вонзила в мои волосы шпильку. — Если бы ты жила в 1863 году, виконт Бриджертон подавился бы завтраком, увидев тебя. А сейчас получишь макияж в стиле *«Айви, тебе бы нимб... и корсет потуже»*.

Мы капнули духов на лоскутные розы. От запаха зашевелились даже волосы на моей голове.

— Надо проветрить, — закашлялась я, выставя корзину на улицу. — Сет Эванс должен пропитаться запахом, а не умереть сразу.

— Жду подробностей, — напутствовала меня графиня, поправляя воротник. — И помни: леди держит спину прямо, а язвит — только глазами.

Её объятие пахло лавандой и безусловной поддержкой. Как будто я шла не на войну, а на свой первый бал.

Водитель такси распахнул все окна, словно пытался избавиться не только от запаха, но и от моих слов.

— Еду на тематическую вечеринку, — сказала я, поправляя кружевной воротничок. — Буду играть невесту, которую жених закопал в саду, чтобы жениться на кухне. А эти розы... их аромат напоминает ту самую прогнившую землю.

Он что-то пробормотал про свою дочь-медсестру, а я придерживала волосы — порывы ветра норовили вырвать жемчужные шпильки.

Внезапно я осознала, что не знаю, на каком этаже его офис. Пришлось звонить отцу.

— Пап, офис Сета Эванса на каком этаже? — спросила я, глядя, как небоскрёб *Шард* пронзает облака, будто игла — плотную ткань.

— Тридцать первый, принцесса.

Тридцать одна роза. Тридцать первый этаж. Какой же он символист...

Платье графини внезапно стало давить под мышками. Вокруг — холодное стекло, сталь и возбуждённые голоса туристов. Я чувствовала себя чужой в этом современном хаосе — словно яркий лоскут, пришитый к строгому серому костюму.

Лифт поднимался мучительно медленно. Восемьдесят три секунды — и дверь наконец распахнулась. Ладонь вспотела, но пальцы сжали корзину крепче.

В голове стучало: *«Ненавижу. Всё в нём — каждый взгляд, каждое слово»*. Но вдруг пришло осознание: а может, я ненавижу не его, а себя? За то, что снова стремлюсь к огню, зная, что могу обжечься. Месть — лишь удобный предлог. На самом деле я шла проверить: дрогнет ли он? Рассердится? Или... (страшно даже представить) — улыбнётся. Нет, он не улыбнётся...

Этаж встретил запахом сандала и дуба — его любимые ноты. (Духи графини пятидесятилетней выдержки он точно оценит.)

Я ожидала увидеть безликий офис в духе его спальни, но вместо этого — тёмные деревянные панели, массивная стойка администратора, пышные растения в кадках. На стене золотом сиял девиз Дилана Эванса: *«Бизнес. Бизнес. Бизнес!»*

Всё дышало роскошью. И ледяным отчуждением.

Я медленно шла по коридору, скользя взглядом по табличкам на дверях. У него действительно большой штат — целая империя за этими стеклянными перегородками. Когда в конце коридора я увидела приоткрытую дверь, то моя решимость мгновенно испарилась. Я уже потянулась к кнопке лифта, как вдруг...

Раздался тот самый низкий кашель, который я узнала бы из тысячи.

Не думая, я моментально развернулась и швырнула корзину с «розами» прямо ему под ноги.

— Вернула твой дешёвый жест! — выпалила я, хотя внутри всё сжалось от другой мысли: *«Он не забыл. Ни розы, ни сорт...»*

Сет едва заметно приподнял бровь, даже не удостоив корзину взглядом, но его пальцы сжались так, что кости побелели.

Мои уши мгновенно вспыхнули, а ноги задрожали. Только тогда он бросил беглый взгляд на корзину.

— Мой пиджак? — его голос звучал подчёркнуто ровно — по линейке.

— Разве это твой? — я сделала наигранно-невинные глаза. — Думала, папин. Прости за мою невнимательность. Но скажи мне одно... почему тридцать одна? Почему не сто? Или ты всем своим... подружкам даришь розы по номеру этажа?

— Три плюс один — четыре. Число стабильности, — ответил он, не меняя выражения лица.

— Значит, я для тебя просто ещё одна «стабильность»? Как все твои модели? Или те, с кем ты... — озноб пронёсся по телу, но я быстро взяла себя в руки. — Ты... ты правда мог так поступить? Переспать... а потом прислать цветы. Это что, оплата? Лучше бы вообще ничего не присылал! И знаешь, мне уже плевать на нашу ночь...

— Если тебе наплевать, — он внезапно взорвался, и я ед-

ва устояла на ногах, — то зачем ты здесь? Если тебя это не волнует, почему твой взгляд прожигает меня насквозь?!

Не дав опомниться, он вцепился мне в запястье и потащил в кабинет так резко, что я спотыкалась на каждом шагу. Второй рукой я ухватила за подол платья — грубая ткань впиалась в пальцы, а его хватка оставляла на коже жгучие полосы.

Дверь кабинета захлопнулась с таким грохотом, что вздрогнула бронзовая статуэтка на столе. Сет оттолкнул меня от себя, и на запястье уже начали проявляться яркие следы его рук. Всего за три шага он пересёк комнату и с силой бросил папку на стол так, что она едва не упала на пол.

Я напряглась, ожидая, что сейчас он швырнёт на стол и меня. Но вместо этого он подошёл ближе, и его пальцы скользнули по моей шее, словно проверяя старые шрамы — те, что оставил он сам. От этого прикосновения стало ещё страшнее: он видел то, что я годами прятала за криками и дерзостью.

Потом он медленно отступил, а я стояла, сжимая в кулаках складки платья.

— Когда же ты начнёшь думать головой, а не этой своей... — голос его сорвался. Он схватил газету с фотографией Алфи на первой полосе. Бумага хрустела, сминаясь в его руках, и с каждым звуком я непроизвольно моргала.

— Вот же засранец Алфи... — вырвалось у меня.

— Так мой брат тоже в курсе твоих выходов? — в его

взгляде была не просто злость — что-то куда опаснее. — Ты вообще понимаешь, что натворила? Из-за тебя сорок процентов инвесторов уже отозвали подписи. Эти шотландцы — как викторианские старушки в килтах. Для них даже тень скандала — всё равно что плюнуть в их драгоценный виски!

Я прикусила губу, чувствуя, как подкашиваются колени. Носок яростно тёрся о дорогой ковёр — если бы не балетки, давно бы протёрла дыру. Да, я накосячила. Из-за ревности к Алфи наломала дров. Стыдно. Но признаться ему в этом? Он не поймёт. Особенно после той ночи. Всё как всегда — я снова намотала на шпульку старую нитку и пытаюсь сшить новое платье. Только вот ткань уже не та — то ли выцвела, то ли вовсе расползлась.

— Ты как... — он провёл рукой по лицу, и вдруг я увидела то, чего не ожидала: усталость в уголках глаз и лёгкую дрожь в пальцах. — Как спичка рядом с бензином. Бросишь — и жди взрыва.

Он шагнул ближе. И если думал, что я отступлю, то ошибся. Мы оба знали этот танец наизусть, но продолжали притворяться, спотыкаясь о ритм эмоций.

— Мой брат знает границы. А ты...

— Хватит! — крик вырвался неожиданно даже для меня самой.

Я вцепилась в его губы, ощущая под пальцами его небри-тость. Его тёмные, полные бездны глаза оставались открытыми, и я знала, что если отпущу сейчас — его слова ранят

меня куда глубже, чем когда-либо. Где-то на полу валялась та самая газета, но сейчас это не имело значения.

Он подхватил меня и прижал к панорамному окну. Ледяное стекло впивалось в мою спину, а его пальцы сжимали бёдра так сильно, что завтра там точно останутся синяки. Я чувствовала, как между нами разгорается искра, способная как сжечь, так и спасти.

— Ненавижу, — прошептала я, когда его рука впиалась в бедро. Но тело кричало обратное — каждый нерв требовал продолжения, жаждал этих мурашек, бегущих по коже.

«Тресни», — мелькнуло в голове, когда стекло задрожало под нашим весом. Где-то внизу копошились люди с их жалкими зонтиками, а здесь, на тридцать первом этаже, он превращал меня в пороховую бочку. Он знал, что я боюсь высоты. Значит, сделал это специально — чтобы между мной и пропастью оставался только он. Его дыхание. Его ненависть. Наша порочная химия.

— Мерзавец... — мой шёпот потонул в его поцелуе. Его укусы вытягивали из меня стоны, и это бесило. Бесило даже больше, чем моя собственная слабость. — Я боюсь... — вырвалось у меня, едва я оторвалась от его губ. Голос звучал неестественно высоко, будто у оперной певицы перед финальной сценой.

— Вот теперь и бойся, — прошептал он в ответ.

Его губы снова нашли мои. В кабинете стояла гробовая тишина, но мне чудилось, что все эти люди внизу подняли

головы и снимают нас на телефоны. Каждый шорох юбки казался щелчком затвора.

И вдруг — знакомый вкус. Каперсы. Солёные, с лёгкой горчинкой, они вернули меня в детство, когда я выковыривала их из его салатов и бросала в Алфи. Теперь же я лихорадочно ловила каждую крупинку — словно это был последний поцелуй. Он даже пах ими, этот невыносимый человек. Ничего не меняется. Всё те же каперсы, тот же тартар из мраморной говядины, над которым мы смеялись.

Сейчас я была этой самой говядиной — сырой, дрожащей, нарезанной на кусочки его руками. Я обвила его бёдра ногами, когда его губы скользнули к шее. Жар разлился по телу, как тот самый вустерширский соус, от которого щиплет язык.

Он резко остановился.

— Расслабься.

— Не могу. Боюсь, что моя голая попа окажется на первых полосах, — соврала я, кусая губу.

Его палец грубо проник в мой рот, затем резко вышел — и мгновенно вошёл в «пуговку». Я вскрикнула так, как не кричала никогда. Он мгновенно заглушили мой стон поцелуем. Ещё одно точное движение — и он ставит меня на пол.

Быстрый рывок — и я снова прижата к стеклу. Даже не успела понять, как он успел надеть презерватив. Его яростные толчки не оставляют места страху. Вкус каперсов смешался с моей помадой. На этот раз не было методичности

— только животная страсть. А в конце — его поцелуй и моя прикушенная губа.

Такой он и есть — Сет Эванс. Дорогой. Редкий. Как трюфель, который он всегда заказывал на обед.

Наши стоны слились воедино, как гудки катеров на Темзе. Когда всё закончилось, он отшвырнул презерватив в урну, а на стекле остался мутный отпечаток моего тела — словно след на месте преступления.

Он застёгивал ремень, не глядя на меня. Но я видела. Видела, как пульсирует жилка на его шее. Как дрожат пальцы. Как пряжка дважды соскальзывает, прежде чем попасть в отверстие.

Злость? Или то, что он так тщательно скрывает?

Он вышел, хлопнув дверью. Снова. Сначала бешеная страсть — потом ледяная стена. Я поправляла платье, собирая себя по частям, как ту разбитую вазу в детстве. За окном Тауэрский мост застыл в надменном спокойствии — его точная копия. У Сета всё по расписанию: цвет галстука, обед из трёх блюд, даже секс. У меня же — вечный хаос. И *Гуччи с тобой* (моя фишка вместо «Чёрт побери!»), он снова прав. Уже второй день подряд. Это начинало бесить.

— Ну? Что скажешь в своё оправдание? — его голос за спиной заставил меня вздрогнуть.

Я не повернулась. Мы стояли у окна, и я вдруг поняла: ненависть и желание — одно и то же. Просто на разных скоростях. Он ненавидел мою дерзость, я — его контроль. Но

в этой схватке мы оба истекали кровью, и единственное, что останавливало падение, — руки друг друга.

— Обсуждать не буду. Да, я облажалась с той статьёй. (Хотя «облажалась» — мягко сказано.) Мне стыдно. Готова исправить.

«Исправить» звучало громко. Ни плана, ни идей — лишь жгучее желание повернуть время вспять и заткнуть рот болтливой Дженни.

— Как? — он резко рассмеялся. — Приманишь инвесторов моими изрезанными пиджаками? Айви, это не твой бутик с платьицами — здесь цифры, контракты!

— Пари! — выпалила я, хватаясь за последний шанс.

— Нет! Мои юристы уже готовят иск. Твою подружку размажут по судам, а следом отправишься ты — за клевету.

Горло сжало — не от страха, а от его тона. Такого я ещё не слышала.

— Ты же не отступишь, да? — в голове уже рисовалась картина: родители в тюремном зале, а я в арестантской робе цвета «оранжевый — чёрный».

— Никогда не отступаю.

Почва ушла из-под ног, и я будто провалилась в зыбучий песок, который уже забивал рот, нос и лёгкие...

— Дай мне месяц. Если не спасу проект — продам два бутика и покрою убытки.

— Твои бутики мне не нужны. Провалишься — иск в суд. Пусть судья решит твою судьбу.

— А если справлюсь?

— Получишь свободу.

— Скучно! — фыркнула я. — Давай по-старому: я спасаю проект, а ты исполняешь тридцать одно желание. Помнишь, как раньше?

Уголки его губ дёрнулись:

— Ты до сих пор играешь в эти детские игры? В десять лет — песочные замки, в одиннадцать — катание на моих плечах... Сейчас ставки выше, Айви.

— Тем интереснее! Ты же знаешь — я всегда выигрываю. Или боишься, что твой «идеальный порядок» даст трещину?

— Я выполнял все твои просьбы, потому что ты была ребёнком. Но сейчас ты — угроза!

— Признайся, это действительно мило. Ты всегда говоришь «нет», а потом... — я сделала шаг ближе, нежно коснувшись его руки. Его взгляд оставался серьёзным, без намёка на улыбку. Хотя, нет — вот она, едва заметная усмешка. — В любом случае, ты всё равно проигрываешь. Как с теми замками, книгами или спасением мистера Жирафа.

Он подошёл к столу. Мы оба знали: отказ сейчас — признание слабости. А Сет Эванс не признаёт поражений.

— Четыре условия. Первое: ничего противозаконного. Второе: никаких желаний с Алфи.

Я вздохнула — никакой романтики.

— Скучно! Какие ещё два?

— Если провалишься — *исчезнешь* из моей жизни.

Его «исчезнешь» на секунду выбило меня из колеи. О нет, дорогой, условия должны быть паритетными. Будет жарче.

— Тогда моё условие: откажешься от одного желания — женишься на мне. В розовом цилиндре со стразами. Логично: мой провал — тюрьма, твой — алтарь.

Сет провёл рукой по волосам — верный признак внутренней бури. Я быстро вышла и вернулась с корзиной «роз». Запах «мести» всё ещё витал в воздухе — не резкий, но ощутимый. Поставила у его стола.

— Убери эту дрянь!

— Моё первое желание: корзина остаётся, пока не исполнишь все желания. — Я достала одну розу и помахала перед его носом. — Согласен?

— Согласен. И моё четвертое условие. Работаешь стажёром в моей компании.

Я аж подпрыгнула:

— Что?!

Сет сделал шаг, морщась от запаха.

— Начало рабочего дня в шесть утра. Зарплата — тысяча фунтов в неделю.

Я в бутике за минуту столько зарабатываю, а он предлагает копейки.

— Это издевательство! Я спасаю твой драгоценный проект, а ты оплату как уборщице?

— Ты хотела игру? — он схватил телефон. — Вот правила. Или звоню юристам.

— Ладно, я согласна...

Я бросила первую розу в урну. Игра началась, мистер Эванс, и я не привыкла проигрывать. Встала на цыпочки и нежно поцеловала его в лоб — это была моя «печать» на нашем договоре. Его парфюм переплетался с ароматом тряпичных роз, создавая горько-сладкую симфонию, отражающую нашу вечную «войну».

Совет от стажёра Айви:

Если наутро он не пришлёт счёт за испорченный пиджак — считайте это предложением. По кембриджским меркам. А если пришлёт... Ну что ж, значит, впереди ещё тридцать желаний и один розовый цилиндр со стразами.

Глава 5: «Овсянка «по-сетовски»»

Овсянка «по-сетовски» (или мой первый рабочий день)

Ингредиенты: повод (желательно дурацкий), поддержка (лучше в виде подруг с шампанским), одна идея после бокала просекко (обязательно гениальная), неожиданный гость (желательно в четыре утра, можно пнуть), овсянка (не переборщите с мёдом).

Мы с бестиями устроили воскресный вечер у Картер. Просекко, смех, обсуждение последнего показа мод и, конечно, новые подвиги Хлои в любовных баталиях.

— Ну серьёзно, что это за подкаты? — я ткнула пальцем в её телефон. — *«А у меня клубника есть»*. Серьёзно? Это что, сексуальный намёк уровня *«Пойдём ко мне коллекцию папье-маше посмотрим»*?

— А вот это, — Белл захлебнулась от смеха, зачитав следующее: — *«Я бы ещё фото манго прислал, но боюсь, что ты подавишься слюной»*. Боже, парень, если хочешь соблазнить девушку едой, напиши хотя бы: *«Приходи, я тебя накормлю»* — это хоть звучит по-человечески!

— Моё любимое, — Картер скривилась, будто откусила лимон. — *«А у меня пионы в вазе есть, хочешь, фото при-*

иллю?» Это Хлоя должна сломя голову нестись к нему на клубнику, давясь слюной в предвкушении его «пиона»?

Несмотря на всю нелепость, нужно отдать должное странноватому блондину-ирландцу — он обеспечил нам вечер хохота. Единогласно решили, что его стиль обольщения попадает в категорию «Кулинарный развратник».

Пока Хлоя изворачивалась в ответах этому мужчине, я мысленно перебирала слова Сета, будто разминала в пальцах комок глины — то ли чтобы слепить что-то новое, то ли чтобы швырнуть ему в лицо.

«Ты — угроза!»

Эти слова крутились в голове, как назойливый мотив из детства — тот самый, что играл, когда он впервые назвал меня «пираньей». Ладно, пусть думает, что я разрушительница миров. Я докажу ему, что могу не только кромсать, но и чинить. Хочу увидеть, как его идеально выбритый подбородок дрогнет от удивления — так же, как тогда, на пляже, когда я впервые впилась в него зубами.

— Эмили, — я ткнула её в бок, — как заманить инвесторов в отели Сета?

Подруги уставились на меня в ожидании объяснений. В горле застрял комок — тот самый, что появлялся всегда, когда я лгу о нём. Я не стала раскрывать все детали — лишь намекнула на пари, Алфи и «небольшие разногласия».

— Кто-то явно затаил шёлк, — Белл швырнула в меня подушкой.

— Я ничего не скрываю! — прикрыла лицо руками, но щёки уже горели, будто он снова поцеловал меня.

— Ты снова что-то провернула с «философским мальчиком»?

— Мы... снова переспали... в офисе...

— ЧТО?!

— А она тут про показ мод, про пари... Давай, рассказывай... Как у тебя опять получилось?

— Айви, твои стежки меня впечатляют, — усмехнулась Хлоя, обнимая меня.

— А его брат? — холодно спросила Эмили.

— Никак. — Голос дрогнул. — Наша с ним ниточка порвалась.

Ложь.

Правда в том, что игла до сих пор торчит в груди. Мы оба оступились, да. Только он теперь счастлив с новой пассией, а я... как же глупо было соглашаться на эту «особую дружбу».

— Ой, пахивает новой коллекцией, Айви, — вздохнула Белл.

— Ты же его ненавидишь, да? — спросила Эмили.

— Ненавижу, — соврала я и швырнула в неё подушку.

Они всегда видят меня насквозь. И всё знают. Всю историю с Сетом.

Пока они спорили о шотландских пейзажах, я допивала вино и вспоминала... наш последний секс. Восемнадцатилетняя я, наверное, сочла бы это романтичным. Но сейчас

во рту было горько — не от вина, а от осознания: я готова то задушить его, то сама задохнуться в этом безумии.

Сет Эванс — как яд: привыкаешь к горечи, а без неё — уже не то.

— Вы помните про Рождественский показ? — я плюхнулась на диван, грациозно расползаясь, как медуза в тесном платье графини.

— Эскизы почти готовы. Осталось найти моделей и сделать презентацию, — ответила Картер.

Неожиданная идея осенила меня, заставив резко подняться с места. Хлоя едва успела отдёрнуть бокал, спасая ковёр от винного потопа.

— А если объединить наш показ с презентацией его отельных комплексов?

Реакция подруг оказалась предсказуемо разной. Картер скривилась, будто я предложила устроить дефиле в сточной канаве. Белл замерла в раздумьях. А Хлоя — обожаю её за это — тут же обняла меня, как героиню, решившую спасти весь мир.

— Гениально, но... он тебя всё равно сожрёт! — рассмеялась она.

— А что, если сделать детский показ? — вдруг выдала Белл.

Моё воодушевление вырвалось хлопками в ладоши.

— Точно... Мы же работаем только со взрослыми коллекциями. Но представьте: предрождественские показы в оте-

лях Эванса с участием детей постояльцев. Приглашённые стилисты, профессиональные фотосессии... Можно задействовать популярных блогеров, — я размахивала руками, рисуя в воздухе картину будущего.

Картер налила мне шампанского с видом человека, выдающего последний напиток перед казнью.

— Теоретически звучит заманчиво, но Сет Эванс — тот ещё психопат в плане совершенства.

— Я не буду пить! Завтра в шесть должна быть на работе! Белл с хищной ухмылкой предложила:

— Хлоя, давай заключим пари. Наша модница не продержится и дня в роли стажёра у Эванса.

— Ставлю тысячу, — Эмили швырнула купюру на стол. Я накрыла её своей кредиткой:

— Готова поставить всю лимитку. Что не только выживу, но и утру нос скале Сету Эвансу.

Хлоя добавила в банк свои AirPods (её фирменная валюта). Мы уже собрались чокнуться, когда из кухни донёсся божественный аромат паркина — этого пряного чуда с апельсиновой корочкой, требовавшего немедленного внимания.

Сладкий молочный чай, крошки паркина на тарелке и дружный хохот подруг — вот она, идеальная точка в воскресном вечере.

— Эмили, — распределяла я обязанности, облизывая сладкие пальцы, — тебе цифры и подводные камни. Белл — поиск места и моделей. Ищем обычных детей, никаких про-

фессиональных моделей. Хлоя... — я запнулась, заметив её остекленевший взгляд, уставленный в чистый лист (признак творческого затмения). — Передайте ей, — шепнула я, — что ткани на ней. А я засяду за эскизы. Спасибо, девочки, — голос неожиданно дрогнул, — без вас я бы давно поехала крышей.

Выскользнув в прохладную ночь, я уселась в такси, но мысли, как предатели, продолжали кружить вокруг него: эти холодные глаза, которые становились тёплыми лишь в... Ладно, стоп, хватит.

Заглянув в магазин за любимыми круассанами графини с лимонным кремом, я поняла, что свет в её окне уже погас. Моя старая соседка давно уснула. Расскажу ей завтра... если, конечно, выживу.

Дома я устроила настоящий творческий марафон: рвала наброски, скакала по кровати, даже пыталась медитировать вниз головой (после трёх секунд всё потемнело перед глазами). Но идеи выходили либо примитивными, либо пафосно-безжизненными. Где же та самая искра?

Уснула в окружении смятых эскизов. А проснулась от настойчивого стука. В спальне царил сизый полумрак, телефон еле светился... 4:17. Четыре. Семнадцать. Утра.

«Кто вообще нормальный приходит в такое время?» — пронеслось в голове, пока я, спотыкаясь, брела к двери.

Но едва моя рука коснулась дверной ручки, меня осенило: *«Сет. Конечно же, Сет. Для него «к шести утра» значит «я*

приеду в четыре», потому что стажёры — это не люди, а подопытные кролики».

Я распахнула дверь, полная решимости высказать всё, что думаю о его методах воспитания... И вдруг передо мной предстал он — безупречный, как всегда. Чёрный костюм идеально облегал его фигуру, а белая рубашка контрастировала с его сосредоточенным взглядом. Он стоял, как мраморная статуя — неподвижный и непоколебимый, излучая всё ту же бескомпромиссную строгость.

— Сейчас не шесть, — прошипела я, сжимая дверную ручку.

— У тебя час на сборы. В шесть вылетаем из Хитроу в Эдинбург. На два дня.

— Что?!

— Айви, — он бросил взгляд на часы, — теперь у тебя пятьдесят семь минут.

Я развернулась и пошла в душ, нарочно хлопнув дверью так, чтобы стены дрогнули. Включила воду и закричала, чтобы услышал. Пусть знает — его армейские методы «воспитания стажёров» до добра не доведут.

Пока счёт 1:0 в пользу «взрослой няни».

Я быстро собрала вещи, надела лучший брючный костюм — тот, что подчёркивал каждую линию тела, — лёгкий тон румян, тушь, помаду. Хотя... зачем? Всё равно никто не заметит. Но нет, пусть видит — я не сломалась.

— Я готова, «Секундомер в пиджаке». Всё по расписа-

нию? Или ещё нужно свериться с твоими тридцатью одним часами?

Сет медленно поднялся, расправив плечи. Его оценивающий взгляд скользнул по мне, на что я резко задрала подбородок и прошла мимо, специально задев его плечом.

Его водитель уже ждал у машины.

— Доброе утро, мисс Патель!

Я кивнула и с едва заметной усмешкой устроилась на заднем сиденье. Сет сел рядом, его бедро на секунду коснулось моего — и тут же отстранилось. На его идеально отглаженных брюках осталась едва заметная складка. Я была готова поспорить, что через минуту он её поправит. И он это сделал.

— Утюжок прихватил? — спросила я сладким голосом.

— Сначала заедем за Алфи.

Я вжалась в сиденье.

— Алфи тоже едет?!

— Да. Он будет курировать проект.

— О, какой прекрасный проект! Прямо как камера пыток, — я скрестила руки. — Твои методы воспитания не знают границ. Ладно, я накосячила, но он-то при чём? Он архитектор!

— Он сам попросился.

Я закатила глаза. Знаю я его «сам попросился». Сет умеет убеждать. А точнее — давить, манипулировать и ставить перед фактом.

Прекрасно. Теперь мне предстояло лететь в одном само-

лётё с двумя мужчинами, с которыми у меня был... ну, в общем, они оба знали меня слишком хорошо.

— Тебе что-то не нравится, Айви? — его голос прозвучал слишком сладко. — Ты можешь отказаться. И тогда... я выиграл наше пари.

Вот же чёртова акула.

— Нет! — я резко повернулась к нему. — Боюсь, ты проиграешь. Потому что два творческих мозга против твоего снобизма — это высший пилотаж. Так что я рада, что он едет с нами.

Сет лишь усмехнулся.

Я отвернулась, притворившись спящей, но внутри всё кипело. Алфи, Сет, этот дурацкий полёт...

Нужно было продумать каждый шаг, чтобы поставить его на место и сравнять счёт.

Когда мы забрали Алфи, он молча сел на переднее сиденье, даже не взглянув в мою сторону. Его плечи были опущены, а лицо было бледным — словно его выжали, как лимон после бессонной ночи. Я сжала зубы, стараясь сдержать любопытство, но в аэропорту не удержалась:

— Ты вообще сам хотел ехать? Или Сет, как всегда, надавил?

Он медленно повернулся. В его глазах... Боже, когда он последний раз спал?

— Мне просто нужно было уехать. Подальше от... всего. Голос звучал глухо, будто Лондон стал для него вдруг

отравленным. Меня кольнуло чувство вины — вчера мы растались почти друзьями, а сегодня он выглядел так, словно его предали. Но я лишь кивнула — его взгляд ясно говорил: *«Не лезь»*.

Он отошёл к окну, а Сет, как всегда, уткнулся в документы. Два брата — два полюса. Один в тени, другой — в свете. А я — где-то между ними. Не линия, а кривая. Парабола, где верх — это надежда, а низ — реальность. И пока что я стремительно неслась вниз.

В самолёте Алфи натянул маску на глаза и замер, будто впал в кому. Сет работал, словно запрограммированный: те же точные движения, тот же ледяной взгляд.

— Сет, — капризно протянула я, — ты вообще спишь?

Он поднял глаза — ровно настолько, чтобы продемонстрировать полное отсутствие интереса, и тут же вернулся к экрану.

— Ну, конечно, — я громко вздохнула, — сидим как на очередном скучнейшем совещании, а не летим выбирать наше будущее «гнёздышко». — На губах заиграла сладкая как сироп улыбка.

— Это отели, Айви, — поправил он, не отрываясь от работы.

— Для тебя — отели. А для меня — проект, в который я вложу душу!

Я с досадой натянула шёлковую повязку на глаза и скрестила руки. Притворилась, что сплю, но при первом же шо-

рохе сорвала маску.

— Мистер Эванс, завтрак подавать? — прозвучало где-то справа.

— Да, три порции.

— Я не буду!

— Будешь, — произнес Сет, закрывая ноутбук и фиксируя на мне проницательный взгляд. — Как только приземлимся, сразу отправляемся на Скай. Пять часов по извивающимся дорогам. Обедать будем не раньше четырёх.

Прекрасно. Ещё одно испытание. Два дня с ним — это хуже, чем те злополучные выходы на пляж Миледи в Биаррице, где респектабельные мамыши шарахались от моей гиперактивности. Помню, как после «инцидента с мороженым», когда я объелась пломбиром и устроила неконтролируемый выброс на идеальный песок, мою бедную няню буквально умоляли не приводить «эту проблемную девочку».

Теперь я снова в ловушке, но уже на высоте десяти тысяч метров, в замкнутом пространстве самолета. И снова я — проблема, только теперь для братьев Эванс.

Самолёт лёг в воздушную яму, и я невольно вцепилась в подлокотник. Сет даже не вздрогнул. Казалось, ничто не может вывести его из равновесия. Кроме, возможно, меня.

Принесли завтрак: овсянку, ягоды, мёд — всё аккуратно разложено по мисочкам. Сет методично положил в кашу четыре малины и ровно одну ложку мёда.

— Четыре — число стабильности, — я ехидно подняла

бровь. — Даже в каше?

— Везде!

Я прищурилась, чувствуя, как игра меня затягивает.

— Моё второе желание... — его челюсть напряглась. —
Покорми меня.

Алфи скинул маску и уставился на нас с выражением «опять начинается».

— А говорила, что не станешь миссис Эванс, — пробурчал он и резко встал. — Я пойду проверю, сколько осталось до посадки.

Он ушёл, демонстративно хлопнув дверью.

Сет медленно отложил ложку.

— Хорошо. Садись напротив.

Я плюхнулась перед ним. Он добавил в мою кашу четыре ягоды — я швырнула ещё горсть. Ложку мёда (терпеть не могу его) — я намеренно положила три. Его глаза вспыхнули, но он лишь молча размешал эту сладкую жижу, поднёс ложку к моим губам и...

Я сжала рот в упрямую ниточку.

— Силой кормить? — его голос стал тише.

— Ты же мой временный опекун, включай фантазию!

Сет отложил ложку, и в этот момент что-то в воздухе изменилось. Он резко встал, схватил меня за запястье и притянул к себе. Я оказалась у него на коленях — так близко, что почувствовала, как дрогнул его ровный ритм дыхания. Его левая рука легла на моё бедро, пальцы впились в кожу, вы-

зывая мурашки, которые стремительно поднимались вверх по спине.

Если бы мы были одни, я бы уже размазывала овсянку по его идеальному костюму, не обращая внимания на последствия. Но здесь действовали другие правила. Его игра была сладка, как мёд, и так же опасна — прилипнешь, не оторвёшься.

— Первая ложка, — произнёс он с тем же выражением, с каким когда-то предлагал мне «перемирие», зная, что я никогда не соглашусь.

Я открыла рот, держа пари сама с собой: выдержу ли его взгляд? В его глазах мелькнуло знакомое оживление — он тоже помнил наши бесконечные соревнования. Кто дольше продержится. Кто первый моргнёт. Кто кого переупрямит.

Каша была слишком сладкой — я перестаралась, конечно.

— Отвратительно пресно! — вырвалось у меня прежде, чем я осознала, что повторяю свои же слова из прошлой ночи.

Его пальцы впились в бедро, и я поняла — это не просто игра. Это проверка на прочность. Как тогда, на пляже, когда я укусила его...

— Попробуй ещё раз.

Вторая ложка. Я приоткрыла рот, но в последний момент резко выхватила ложку и перевернула её ему на рубашку.

— Не люблю сладкую кашу.

Капля каши растеклась по белой ткани.

Он замер. Потом медленно провёл пальцем по пятну, размазав его ещё больше, и поднёс палец к моим губам.

— Попробуй.

Я попыталась слезть, но он обхватил меня за талию, притягивая ближе.

— Ты проиграла, — прошептал он.

Сет почти коснулся моих губ — но в этот момент дверь открылась.

— Мы через десять минут садимся, — пробурчал Алфи, не глядя в нашу сторону.

Я сорвалась с его колен, будто обожглась. Руки дрожали — от злости, конечно. Только от злости.

— Счёт 2:0 в твою пользу... пока что, — я провела языком по губам, ловя вкус мёда и его угрозы.

Сет поправил испорченную рубашку, но взгляд его горел.

Совет от стажёра Айви:

Если хотите идеальную кашу, то варите её сами. Иначе что-то обязательно слипнется — будь то овсянка... или ваши принципы.

Глава 6: «Омар «по-скайски»»

Омар «по-скайски»

Ингредиенты: дождь (чтобы подчеркнуть вашу непонятную связь), правда (та, что обрушивается внезапно), пара желаний (и ничего страшного, что он против), дорога А86 (главное — успеть), нежный взгляд (после которого можно снова надеть ледяную маску).

Эдинбург встретил меня пронизывающим дождём и колючими снежными хлопьями. Даже привыкшая к лондонской слякоти, я не ожидала такого предательства природы. Воздух гудел от ветра, проникая до самых костей, а в носу щипало — то ли от солода, то ли от сырости, впитавшейся в древние камни.

Алфи шёл следом, и его молчание давило на меня сильнее, чем поступки Сета. Я ловила себя на том, что в голове крутятся пустые, ненужные мысли. Извиняться? За что? За то, что наши «свободные отношения» оказались ещё одной клеткой? Или за то, что позволила себе играть с его братом?

Я резко развернулась, заставив его чуть не врезаться в меня.

— Ты точно не дуешься за статью? И Сет не угрожал тебе? — специально громко бросила я «Скале», который шёл

вперед.

Алфи вздохнул, взял меня под руку и потянул за собой, будто вёл на очередную светскую пытку.

— Айви, ты здесь ни при чём. Даже Сет... — его голос звучал глухо, будто из-за толстого стекла. — Мне просто нужна передышка. Лондон стал... тесным.

Я не стала расспрашивать. Бывают моменты, когда молчание — единственное, что можно дать человеку, который уже наполовину опустошён.

Алфи молча нырнул в чёрный «Рэндж Ровер», резко хлопнув дверь так, словно закрывал не просто машину, а целую главу своей жизни.

— Наша вторая машина, — бросил Сет, ускоряя шаг так быстро, что мне пришлось почти бежать за ним, поскальзываясь на мокром асфальте.

— Ты правда сказал, что мы едем на Скай? — выдохнула я, ловя ртом холодный воздух.

Он резко остановился, и я едва успела затормозить, чуть не врезавшись лицом в его спину. Дождь внезапно обрушился с новой силой, превратившись в сплошную водяную стену. И словно по волшебному сигналу, из ниоткуда возникли его люди с огромными чёрными зонтами.

— Я не привык болтать просто так, — Сет повернулся, и капля дождя скатилась по его очерченному подбородку. — Сначала в отель. Мне нужно переодеться. Тебе тоже.

— Мне? — я скептически оглядела свой брючный ко-

стюм.

— Да. Одежда уже ждёт тебя в номере.

Он развернулся и направился к машине. Охранник в чёрном уже тянулся открыть мне дверь, но Сет опередил его, сделав это сам. Его пальцы на секунду задержались на ручке.

— Как трогательно, Сет Эванс, — сладко улыбнулась я, протискиваясь мимо него. — Сладенькой каши объелся и решил продемонстрировать хорошие манеры?

Сет на мгновение замер, его лицо стало каменным, но в глазах проскользнула искорка удивления и, возможно, лёгкого раздражения. Он точно не ожидал такой колкости от меня.

Я плюхнулась на сиденье, вытирая с лица дождевые капли. Острые, как его интонации. Он прикрыл дверь, обходя машину, и я снова почувствовала, что проигрываю. Его бездушный расчёт всегда перевешивал мою импульсивность.

— И что за одежда? — спросила я, когда он устроился рядом. — Откуда ты вообще знаешь мой размер, а?

— Спросил у Одетт.

Я чуть не поперхнулась. Моя мама общается с ним? Сообщает ему такие детали? Будто я — какая-то невеста, а он — жених, подбирающий ей гардероб?

— И часто вы с мамой обо мне болтаете?

— Каждый четверг я с ней обедаю, — он смотрел прямо перед собой, пальцы постукивали по колену. — С тех самых...

Он не договорил, но мне не нужно было объяснений. «С тех самых» — после похорон. Семь лет. Семь лет мама встречается с ним каждую неделю, и ни разу не упомянула об этом...

— Снова стабильность... Четыре... Мама ничего не рассказывала...

— Ты же отгородилась от нас с Алфи.

Откровение накрыло меня, как шотландский ливень, пронизывающий до костей. Щёки вспыхнули, а в горле запершило. Мама снова наговорила лишнего...

Братья Эванс были для неё как сыновья, а их мама — словно вторая мать для меня. Поэтому моя не умела сдерживать язык за зубами: *«Они ведь часть семьи, разве можно от них что-то скрывать?»*

— Я... — голос снова подвёл. — Ты просто не так...

Слов не нашлось. Потому что он снова оказался прав. Внутри всё сжалось, и я резко отвернулась к окну, стараясь скрыть дрожь губ. За стеклом Эдинбург расплывался размытыми пятнами света — так же неясно, как и всё в моей жизни после того, как я сбежала от воспоминаний. От него, конечно.

А он остался. Обедал с моей матерью по четвергам. Помнил. Ждал?

В зеркале заднего вида мелькнул отблеск его тёмных глаз. И вдруг я поймала себя на мысли, что больше всего хочу понять, что скрывается за этой ледяной маской.

— Твоя мама сказала, что ты тяжело перенесла смерть моих родителей, — произнёс он, выдавливая каждое слово из себя. — Чтобы не сломаться, ты ушла в учёбу. Я решил... ты хочешь забыть нас. А Одетт... она помогает. Четверг выбран не из-за стабильности. Их не стало в четверг.

Вот почему для него так важно это число. Не из-за контроля, а как напоминание об их смерти. Он что, винит себя?

Почему каждый раз, когда он говорит что-то настолько личное, мне хочется одновременно закричать и прижаться к нему, вцепившись в его идеально отглаженный пиджак?

Сет сжал кулак, и губы его дрогнули — почти незаметно, но я увидела. И, не думая, накрыла его кулак своей ладонью. Он не оттолкнул меня, а наоборот, обхватил мою руку. Я затаила дыхание, чувствуя, как тепло его руки согревает мои окоченевшие пальцы.

— Мне их тоже не хватает, — прошептала я. — Прости... что не была рядом...

Но наша странная «нежность» длилась ровно до момента, пока машина не остановилась у входа в «Балморал». И он снова стал непроницаемым.

Гостиница возвышалась перед нами, массивная и величественная, словно древний страж времени — «железнодорожный отель», как его называют шотландцы. Часы на башне, как это принято, показывали время с опережением на три минуты, чтобы гости никогда не опоздали на свой поезд. Хотя Сету Эвансу это вряд ли грозит: он точен, как праздник

Хогманай — единственный день в году, когда эти часы идут ровно.

Сет выскочил первым, и я уже приготовилась к очередному «рыцарскому» жесту, но он снова включил режим «Откат к базовым настройкам».

Я выбралась сама, тут же попав под обаятельную улыбку швейцара в традиционном килте. Не удержалась — засмотрелась на клетчатую ткань. Интересно, как бы Сет смотрелся в таком? Его длинные ноги, эта надменная осанка...

— Даже не думай, — рявкнул он, проходя мимо меня в вестибюль.

Чёрт возьми, он читает мои мысли? Или просто изучил меня вдоль и поперёк за эти годы?

— Ты же помнишь условие: не исполнишь желание — женишься, — поддразнила я, следуя за ним. — Мужчины в юбках очень сексуальны...

— Тебе напомнить условия наших желаний?

— Я их не помню, — брякнула я, хотя прекрасно помнила каждое слово.

Сет сжал губы в тонкую полоску и направился к стойке регистрации. Девушка-администратор буквально расцвела при его виде, услужливо протягивая ключи. Он взял один комплект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.